

Счастье на развес

Проза «Контакта»

Новокузнецк
2018

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Счастье на развес

Проза «Контакта»

Новокузнецк
2018

ДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
С 93

Счастье на развес : проза «Контакта» / Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк: Издательство «Ник без Company», 2018. – 80 с.

12+

В новой книге прозы КЛФ «Контакт» публикуются новые рассказы «контактовцев», а также отрывки или отдельные главы повестей и романов наших авторов, в большинстве случаев не опубликованные (или публиковавшиеся только в интернете). 7 рассказов и 8 отрывков из романов, думается, дают картину разнообразия литературных интересов авторов «Контакта».

Состязание

(Отрывок из повести «Испытание»)

– Дамы и господа, жители Плоского мира, рад приветствовать вас на первом в мире состязании по бегу в связках! С вами команда комментаторов Уоррен Кук и Кимура Хироши. Это состязание проходит под покровительством академии Разведчиков для единения и сплочения народов Плоского мира. «Взаимодействие – ключ к настоящей жизни!» Спонсор состязания – группа компаний «Хирука!» «Хирука» – светлое будущее Плоскому миру!

Специально для уроженцев Надземного мира: весь комплекс обнесён прочной упругой сетью из полимерных материалов, так что можете не опасаться падения в небо. Но всё равно, будьте осторожны, падать в сеть довольно неприятно и травмоопасно.

Напомним, что призовой фонд сегодняшнего состязания, собранный из вырученных за билеты денег, составил девяносто пять тысяч международной валютой! Только представьте. Девяносто! Пять! Тысяч! Да из них дом можно построить! И победитель забирает половину, представляете? А оставшееся делят между собой второе и третье места – второму две шестых от общей кучи, а третьему – одна шестая. Но это ещё не всё! Среди участников есть как самые лучшие ученики нашей академии, так и тёмные лошадки, отобранные из огромной толпы желающих участвовать на правах открытого доступа. Так вот, для тех из них, кто войдёт в десятку первых, добравшихся до финишной черты со всеми необходимыми лентами в зубах, мы приготовили места в академии! А если наши ученики окажутся в этой самой счастливой десятке, им будут зачтены практические экзамены на всю оставшуюся учебу! А также они получают путёвки в оздоровительный лагерь, где смогут провести осенние каникулы.

А теперь давайте поприветствуем наших участников! Встречайте! Связка номер один: Андре Бенуа и Макото Хаяо! Механик – Рудольф Хейнкель! Связка номер два: Хоакин Родригес и...

Трибуны ревели. Ветер стих...

– ...Связка номер двенадцать: Джон Хопкинс и Вакидзаси Рю! Механик – Суигуса Мисаки! Приветствуем активнее, друзья!.. Связка номер тринадцать... Ух ты, вот это серьёзно!.. Поприветствуем связку номер тринадцать: Френсис Дрейк и Сатори Хикари! Механик – Джеймс Филипс!

– Так тебя тоже зовут как первого разведчика? Хикари, почему я узнаю об этом последним?

– Не знаю, я вроде уже несколько раз представлялась в твоём присутствии... Внимательнее надо быть, напарник!

– ...И наконец, связка номер двадцать: Жорж Фоке и Юки Тетсуа! Посмотрите на них – они все разные! Кто-то придерживается традиций, отдавая дань уважения первым Разведчикам, а кто-то поставил на новые идеи и технологии. Я лично заходил в мастерскую каждой связки, общался с механиками. Ох, чего там только нет!.. У каждого своя собственная стратегия, проверенная и не очень, свои надежды, чаяния и мечты. Ну что ж, давайте же посмотрим, чья вера, идеи и технологии окажутся сильнее! Не смею вас больше томить! Первое в Плоском мире – да и во всей Вселенной! – состязание по бегу в связках... **ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ОТКРЫТЫМ!!!** Механики, попрошу покинуть стартовую черту!

– Ох уж этот Уоррен Кук! До чего болтливый!.. Удачи вам, Френсис, Хикари. И остерегайтесь двенадцатого номера, не нравятся мне их ножи. Как бы чего не вышло...

– Спасибо, шеф.

– НА СТАРТ!..

– Хикари, мы справимся.

– ВНИМАНИЕ!..

– А кто сомневается, напарник?..

– МАААРШ!!!

...И Хикари рванула вперед семимильными шагами. Рядом с нами бежали другие связки, стараясь уже с первых секунд вырваться вперёд. Я взглядывался в карту и компас, стараясь определить направление к ближайшей локации. Заметив впереди высоченный столб и найдя его на карте, я быстро проложил первую часть маршрута. На нашем пути лежала широкая и глубокая расщелина – не перепрыгнешь. Пришлось хитрить.

– Хикари, как только окажемся в высшей точке прыжка, сбрасывай разницу в весе! Только не переборщи!

Казалось, полёт длился вечно. Под ногами Хикари – и над моей головой, зияла тёмная бездна. Но страха не было, как и всегда. Мы вместе, а значит, всё сможем. Как только ноги Хикари оказались над твёрдой землёй, я сбросил килограмм олова, сразу же исчезнувший в небесной синеве. Ещё несколько секунд – и первая, зелёная лента у нас.

– Связка номер тринадцать просто блестяще применяет балласт, даже мы не смогли бы лучше, но им необходимо ускориться – связка номер десять только что завладела второй лентой!

– Я бегу дальше!

– Нет, стой! Нам в другую сторону. Курс на десять часов!

– Есть, напарник!

С бешеной скоростью мы пронеслись сквозь беспорядок бетонных конструкций, прокладывая себе путь к следующей локации. Здесь уже нам обоим пришлось изворачиваться так, что пот ручьями тёк, но тренировки не прошли даром. Следующая локация была в помещении, куда вёл узкий лаз.

– Вместе мы туда не пролезем, Френсис, подожди, я сейчас.

Хикари отстегнула крепления и с молниеносной быстротой исчезла в тоннеле. Я же остался ждать, стоя на потолке смежного зала и пританцовывая от нетерпения.

– Что так долго?

– Она была на потолке. Метра четыре, не меньше.

– Семечки!..

– Вот и я говорю! Бежим дальше, напарник!

Завладев чёрной лентой, мы сразу же устремились на вершину той самой башины, которую я заметил ещё от стартовой черты. Ещё несколько минут – и третья лента была у нас.

– Остерегайтесь пары номер двенадцать! У этих парней серьёзные намерения, похоже, они решили обрезать тросы всем, кого повстречают! Уже трое уроженцев Надземного мира оказались в сетке...

– Осторожно!

– А-А-А!..

Откуда ни возьмись, выскочили Джон с напарником, и один из них на полной скорости хватил длинным ножом по амортизатору. Раздался громкий протяжный звон. Но, кажется, всё было в порядке. Амортизатор выдержал. Ай да шеф! И Хикари, которая придумала заменить тросы на жёсткие стержни.

– Френсис, ты в порядке?

– Да, всё нормально, я бегу дальше! Задай направление!

– Прямо, потом налево, потом направо – и мы на месте.

– Понял тебя!

– Что, господа Хопкинс и Вакидзаси, не по зубам вам связка номер тринадцать?! Видел я их снаряжение – у меня чуть волосы дыбом из орбит не вылезли!..

...Мы завладели предпоследней лентой. Весь набор – зелёная, чёрная, синяя, жёлтая и белая, теперь были повязаны на наши с Хикари предплечья. Не хватало только красной. Я не мог поверить: у нас действительно был шанс дойти до финиша! По словам комментатора, до красной локации не добрался пока никто.

Краем глаза я заметил движение. В следующее мгновение до меня долетел ужасающий крик. Девочка падала вверх. То есть, для неё – вниз, к земле, но это было не важно. Уж не знаю, что там произошло, но я не видел другого варианта спасения её жизни.

– Хикари, видишь её?

– Да!

– Сейчас я подбегу поближе, а ты её схватишь, хорошо? Работаем!

Как бы странно это ни звучало, но девочка выбрала самое удачное место, чтобы упасть. Как раз возле края бетонной конструкции, по потолку которой я бежал. Всё случилось быстро. Через две с лишним секунды после того, как мои ноги оторвались от опоры, меня потащила

вверх тяжесть двух тел. Приземление вышло не очень мягким, но все остались живы. А это – главное.

Хикари что-то быстро проговорила на языке Подлунного мира. Девочка четырнадцати лет в комбинезоне академии кивнула, вытирая слёзы. А потом я сбросил ещё один груз, и мы помчались к последней локации. Вслед за нами к девочке уже подбегали несколько связок в белых комбинезонах, окружая её и укладывая на носилки. Кто-то махнул нам в знак благодарности. И как я мог забыть про патрульных, расставленных по всему периметру?..

Так или иначе, девочка была спасена.

– О-хо-хо, посмотрите-ка, кто завладел красной лентой! Это же связка номер двенадцать, господа ножи! А вслед за ними к локации уже подбегают Дрейк и Сатори, поистине великолепная, но, к сожалению, неуставная связка номер тринадцать! Кто же из них придёт к финишу первым?

Последний рывок. Хикари уже порядком выбилась из сил, но близкий конец придавал нам обоим уверенности. Мы преодолели столько неприятностей, что, казалось, всё уже позади. Хикари резво бежала по бетонной поверхности, я уже впился взглядом в волнующиеся трибуны...

Как вдруг прямо рядом со мной на секунду завис Джонс с ножом в руке.

В следующую секунду я почувствовал, что падаю, и потом ударился спиной о висячую платформу из Надземного мира. Дыхание сбилось, в глазах потемнело...

– Ничего личного! Вы – отличная связка!

Победа стремительно ускользала от нас. Да и пусть – финишировать бы теперь!..

– Хикари! Ты в порядке?

– Вакидзаси разрезал мои лямки, Френсис! Экипировка теперь бесполезна! Давай руки!..

– Подожди...

Внезапно в голове возник план. Сколько там было в высоту? Метров пятьдесят? А до финиша? Сто? Двести?.. Сколько бы ни было, мы могли сократить расстояние одним стремительным рывком. Это сумасшествие. Но ведь всё, что мы с Хикари делали в последнее время – чистой воды сумасшествие. Нужно было показать всё, на что мы способны.

– Хикари! Мне нужна твоя половина грузов из Подлунного мира! Остальное брось и беги вперёд!

– Что ты... Ох, напарник! Это – самая наглая выходка из всех!..

– В школе я был хулиганом. Давай быстрее!

Ещё за шесть дней до матча мы придумали одну хитрость. Вместо того, чтобы обвешиваться грузами и увеличить свой вес, мы с Хикари обменялись грузами так, что наборы брусков из обоих миров на каждом из нас по отдельности уравнивали друг друга. Так можно было нести больше балласта, чем остальные. И эта хитрость сыграла ключевую роль.

Быстро нацепив грузы, я взобрался на верхнюю часть платформы. Верх и низ поменялись местами, но это почему-то не доставляло таких неудобств, как раньше. Только волосы на голове встали дыбом. Медлить было нельзя. Хикари уже почти догнала двенадцатую связку. Я шагнул вниз. «Правое кольцо. Ноги на подножки, затылок к спине. Левое кольцо». Знакомое ощущение, как будто кто-то подцепил крюком за рёбра.

– Вы только взгляните! Связка номер тринадцать применила секретное оружие! Что я вам говорил, у этих храбрецов множество разных примочек! Да он же летит, как птица! Глазам своим не верю...

У меня было шестнадцать килограммов балласта из Подлунного мира. У Хикари – ещё шестнадцать. Я нацепил это всё на себя, перевернулся с ног на голову. И полетел, как птица из Подлунного мира. Стремительно догоняя напарницу, сидевшую на хвосте у единственных лидеров.

Вот уже половина расстояния пройдена.

До финиша связке номер двенадцать оставалось всего двадцать метров.

Уже три четверти...

Вакидзаси оставалось пробежать всего два широких шага...

Но в этот самый момент, истошно прокричав «ХИКАРИ-И-И!!», я схватил напарницу за руки и с оглушительным грохотом рухнул на землю. Прямо за финишной чертой. Рядом со мной с таким же грохотом растянулся обессиливший Рю.

– У нас ничья! Два первых места! Вот это я понимаю, гонки!..

Я с трудом скинул с себя покореженные крылья и поднялся на ноги. До чего же непривычно было смотреть на Луну... перевёрнутой! Всё-таки я чуждой в Подлунном мире.

Но уже в следующую секунду на меня налетела плачущая от счастья Хикари. И стиснула так, что оловянные слитки вдавились в рёбра:

«Мы победили, Френсис! Мы это сделали!!!»

«Правда? По-моему, я только что себе что-то сломал...»

«Всё, можешь меня отпустить...»

«А вот это вряд ли. Я больше тебя не отпущу. Никогда. И не надейся».

Она негромко засмеялась и ткнула носом мне в щеку. Пусть деньги, академия и прочие незначительные вещи падают в небо. Хикари здесь. В моих объятьях. Хрупкая, тонкая... Так близко... Её одежда была испачкана грязью, волосы растрепались от быстрого бега. Но не смотря на всё это она была прекраснее всех. Я мог бы часами, неделями, годами любоваться на неё. И всегда, даже когда весь свет в мире померкнет для меня, буду помнить её глаза – пронзительно серые, с чёрными кругами по краям радужек. Глубже неба. Теплее Солнца. Прекрасней Луны... Казалось, время замерло, а вокруг наступила гулкая тишина. Всё, что я слышал – её горячее дыхание, частый стук её сердца. Не отпущу!..

Я всегда хотел быть рядом с ней, чтобы притяжение не стремилось растащить нас по разные стороны Плоского мира. Но теперь я точно

знаю: наша связь сильнее притяжения. Мы способны жить в обоих мирах сразу, где захотим, перед нами открылись огромные возможности. Хикари была такой с рождения, хоть и не осознавала этого. А повстречав эту девушку, открыв для себя её необыкновенность, я стал таким же.

Но тогда всё это не имело для меня никакого значения. Я не думал ни о чём, кроме неё, видел только её волосы, развевающиеся на ветру прямо перед моим носом, чувствовал тепло её почти невесомого тела, её руки, мёртвой хваткой сцепившиеся в мою шею... Мир растаял в тёплом ласковом свете Солнца...

Мы сидим и держимся за руки в небольшом павильоне, специально поставленном для финишировавших. Бурные поздравления, крики, хлопки по плечу, шум трибун – всё это осталось позади. Деньги от выигрыша мы четвером поделили поровну. Не слишком много на каждого, если разобраться, но разве это имеет значение?..

Хикари положила голову мне на плечо и снова негромко засопела. Главное – не шевелиться, иначе проснётся. Ей нужен отдых. Как и мне... Всем нам...

В академию нас, конечно же, не взяли, но предложили пройти несколько курсов и сдать экзамены, чтобы получить разрешение выходить на поверхность в качестве связки. На большее мы с Хикари и рассчитывать не смели.

Ольга БЕЛОУСОВА

В деревне «оборотней» (Отрывок из романа «Анка»)

Солнце уже садилось, когда мы, наконец, скатились к деревне.

– Мы здесь заночуем? – поинтересовался Роске без особой надежды и удивлённо вскинул брови, узрев мой утвердительный кивок. Для большей убедительности я кивнула ещё раз. Тащиться в лес, вид которого и днём-то не вызывал доверия, а ночью становился и вовсе неприятным, мне совершенно не мечталось. Роске прибавил шагу. Похоже, испугался, что я передумаю.

Деревня встретила нас тишиной. Такая тишина бывает перед самым рассветом, когда все ночные твари уже спят, а дневные ещё не проснулись. Не страшная тишина, но очень неприятная.

Я потёрла друг о друга замерзшие ладошки.

– Ну что, рыжий, видишь что-нибудь наподобие гостиницы или постоялого двора?

Роске мотнул головой вправо.

– Не гостиница, но тоже сойдёт...

Я окинула взглядом деревянное сооружение.

– Согласна. Давай, стучи!

И Роске постучал. Один раз. Потом ещё – громче. Потом заколотил по двери ногой. Никто не ответил.

Я пошевелила пальцами ног, проверяя, все ли они на месте. Кто сказал, что прогулки на свежем воздухе полезны для здоровья?

– Есть хочю, – сообщил Роске от двери.

– Пошли, посмотрим другие дома... Хотя чует моё сердце, что нету тут никого...

Мы посмотрели. Мое сердце оказалось право. Деревня была пустой. Не брошенной, а именно пустой. На окнах домов висели разноцветные занавески, тлели угли в очагах, где-то на печи поднималось тесто, на лавке лежало забытое кем-то рукоделие. Казалось, что жители деревни вдруг разом ушли, прихватив с собой кошек, собак и даже мышей. Интересно, куда, зачем и почему? Ну, не нас же они испугались?

– Мне здесь не нравится, – заявил Роске.

– Мне тоже, – призналась я, вслушиваясь в хруст снега под ногами. – Только у нас с тобой выбор невелик. Либо тут, либо в лесу.

– Лучше в лесу.

– А?

– Я говорю, леди Анни, лучше уж в лесу ночевать, чем здесь.

Наверное, к его инстинктам следовало прислушаться. Но я вдруг совершенно не к месту вспомнила о своем графском титуле. Графиням – Сати всех задери! – по статусу полагается спать в мягких тёплых постельках, а не на холодном мокром снегу!

– А коли хозяева вернуться? Мы ж без спросу в чужой дом вламываемся, – недовольно бормотал Роске.

– Это – мои земли, – напомнила я. – А эти люди – мои вассалы! Забыл, что ли? Дом моего слуги – мой дом.

– Ага, помню, как же... Только ты же, вроде как, тайно путешествуешь?..

Я аж зарычала от злости. Подняла глаза к почти чёрному уже небу, надеясь, видимо, получить там дельный совет. С неба сыпался неприятный редкий снежок. Вдохнула. Воздух острым льдом резанул самое сердце. Прислушалась в последней надежде уловить признаки жизни в деревне. Со стороны леса донеслось глухое рычание.

Я толкнула дверь дома, возле которого мы в тот момент стояли.

– Тьфу! Если ты такой трус, чего со мной идти навязывался?

– Так я ж не думал, что ты по лесам таскаться станешь!

– Что?! Во-первых, это ты настоял идти в Чмероши этим путём!

– Могла бы и не слушаться!

– А во-вторых, графини не таскаются!

– Вот именно!

– Графини путешествуют!

– Да из тебя такая же графиня, как из курицы лебедица, цмерские верно говорят!

Во мне всколыхнулась копившаяся весь день ярость.

– Щас я тебе объясню, какая из меня графиня! – пообещала я, нащупывая на поясе под плащом кожаный ремень. – А ну, иди сюда, приبلудок!

Роске шарахнулся в сторону, ударился головой об открытый ставень, упал, взвыл – от боли и страха. Я ухмыльнулась, но доставать ремень не стала. Лежачего не бьют.

– Боишься? Правильно делаешь, поскудыш! А ну, давай, заходи в дом! Кому сказала?!

И, не оборачиваясь больше, решительно зашагала в полумрак комнат. Где-то за спиной хлопнула дверь, загремели щеколдами. Похоже, Роске не рискнул остаться на улице один.

– Ты хоть свет зажги, леди Анни, – попросил он чуть дрожащим голосом.

– Зачем? Я и так всё вижу.

– Ты, может, и видишь, а я-то нет!

– М-м-м...

– Миледи!

Я подошла к окну, попыталась разглядеть на улице хоть что-то. Не увидела ничего, кроме усилившегося снега.

– Не думаю, что нам стоит выказывать признаки жизни. Мало ли кого принесёт нелёгкая на огонёк!

– Уже принесла... – сообщил Роске. В его голосе было столько паники, что у меня заболело сердце. Я резко обернулась. Из противоположного угла на меня смотрели два больших жёлтых глаза.

– Оборотень! – с тихой истерикой в голосе сообщил Роске.

– Достал ты меня со своими страхами, – честно призналась я. – Хватит уже, а?

Роске в ответ только сдавленно пискнул.

– Р-р-р, – сказали в углу.

– А может, и оборотень, – задумчиво продолжила я. – Не разглядеть мне... Куть-куть-куть...

– Ты что?! Какое «куть-куть»! – взвился Роске. – Это ж, поди, он тут всю деревню выел! А теперь за нас возьмётся! Убери его, пока не поздно!

Мне кажется, или что-то такое мы совсем недавно уже проходили?

– Р-р-р...

– Миледи! – пискнул Роске умирающим голосом.

– Как я тебе его уберу? – поинтересовалась я, думая о другом.

– Ты же можешь убивать руками! Я знаю! Я видел!

– Р-р-р...

Я передёрнула плечами.

– Чуть не городи! Не умею я убивать! Так, наваждение одно. Да если бы и умела, не стала бы. Да не боись ты, оборотни не кусаются!

– В прошлый раз ты то же самое говорила!

– Так незачем было в прошлый раз его за уши хватать! Самому бы очень понравилось, если бы тебя за уши таскали все, кому не лень?

– Меня и так таскают!

– Значит, мало таскают! Чего шебутишься? По-моему, на нас никто не кидается...

– Когда кинется, поздно будет, – заверил Роске.

– С чего ты взял?

– Он же о-бо-ро-тень! Вервольф!

– Да не оборотень я! – заявили вдруг из угла. Роске подпрыгнул от неожиданности.

– Вот видишь, не оборотень он, – подхватила я, и снова повернулась к окну, тщетно пытаясь рассмотреть в ночи хоть что-нибудь кроме этой самой ночи.

Из-за спины донеслось уже приевшееся «р-р-р» и дрожащий голосок Роске:

– Говорящий оборотень!..

Я раздражённо обернулась, намереваясь послать мальчишку вместе с его страхами куда-нибудь подальше, в компанию Сати, зацепилась взглядом за нашего незваного соседа... Жёлтые глаза моргнули пару раз, потом поднялись выше над полом. Кажется, то, что там сидело, решило подняться на ноги (лапы?)... В общем, оно оказалось значительно выше ростом, чем предполагалось вначале.

– Хм... – выдавила я из себя.

– Не-е... это точно не оборотень... – успокоено пробормотал Роске. – Это хуже... Ты с ним справишься, а, леди Анни?

Вопрос был весьма своевременным. То, что смотрело на нас из угла комнаты, мало походило на знакомых мне вервольфов. В первую очередь, размерами. Оборотни редко вырастают крупнее пуделька. И в глазах у них не бывает столько настоящих человеческих чувств. Наш же гость размером был с прилично откормленную овчарку, стоящую на задних лапах. И ещё он...

– Куда уж хуже? – вздохнули в углу.

И ещё он разговаривал.

– Ни разу не видела говорящих вервольфов, – заявила я вслух. Хлопнула в ладоши. Стоявшая на столе свеча вспыхнула ярким ровным пламенем. Оборотень зажмурился, мотнул головой.

– Не нужно со мной справляться, – продолжал он из угла. Потом царапнул когтями деревянный пол и грустно добавил: – Я сейчас сам уйду...

Из его правого глаза скатилась крупная слеза, что выглядело уже совершенно по-человечьи.

– Куда?

– Куда-нибудь... – вздохнул пёс, делая шаг в сторону двери. Роске одним шустрым движением оказался рядом со мной. – А то здесь меня все боятся...

Честно говоря, страшно мне не было совсем.

– Леди Анни! Леди Анни! Говорю тебе, это он тут всю деревню сожрал! – громко зашептал мне на ухо Роске.

– Да не жрал я никого, – слабо и как-то устало возразил оборотень уже от двери. Махнул на прощание хвостом и медленно, шаг за шагом, принялся покидать помещение. Видно было, что делать этого ему очень не хочется.

– Щас он наше внимание отвлечёт, а потом кинется! – предупредил Роске. – Ты ему не поддавайся, ладно?!

– Гляжу, ты, рыжий, забыл, как недавно меня с курицей сравнивал? – мстительно припомнила я, глядя на исчезающий за пределами света свечи пёсий силуэт. – Вот давай теперь, проси у цмерских защиты! Пусть они тебя от оборотня и спасают!

Роске вцепился мне в рукав, словно тонул.

– Леди Анни! Леди Анни! Да я ж тебя... да я ж за тебя...

Я засмеялась, потом позвала:

– Эй! Вервольф или как там тебя?

– Меня Руфом зовут, – сообщили со стороны хвоста.

– Возвращайся, Руф! Куда ты пойдёшь? На улице холодно.

Хвост немножко постоял в задумчивости, а потом вместе со всем оборотнем вернулся обратно.

– Ну, давай знакомиться, – предложила я, усаживаясь за стол. – Я – Анка. Это – Роске. Учти, он тебя боится, так что веди себя прилично. Будешь пугать – прогоню враз. Усвоил?

– Усвоил, чего не усвоить-то? – пробормотал пёс, усаживаясь на пол с моей стороны стола.

– Руф... Чудесно... – буркнул Роске. Отошёл от меня, сел напротив, так, чтобы стол был между ним и оборотнем. – Только Руфа нам сегодня и не хватало для полного счастья. А ну, говори, чудовище, куда деревня вся подевалась?

Руф почесал задней лапой за ухом. Получилось очень звучно.

– Не знаю... Они тут только между полнолуниями живут... А как луна округляться начинает, уходят...

– Как это – уходят? – удивилась я.

– Вот так. Берут и уходят.

– Куда?

– А я почём знаю? – Руф чуть наклонил голову, собираясь, видимо, почесать второе ухо. Я протянула руку, поскребла пальцами по густой включенной шерсти. – Может, на луну и уходят... А, может, в лес. Танцевать. Или по соседним деревням кур таскать да людей кусать... Не знаю я, никогда за ними не следил.

– Почему?

– Потому что мне незначет. Да ты не волнуйся, Анка, вернутся они... Как только луна худеть станет, так сразу и вернутся...

– Слушай его больше! – скептически бросил Роске. – У оборотня всегда во всём луна виновата.

– Ты бы на себя сначала посмотрел!

- В каком смысле?
- В прямом! Сам-то вервольф вервольфом, а туда же! Обзывается ещё! Роске вскочил.
- Неправда!
- Правда-правда, – с явным удовольствием подтвердил Руф. – То ли ты сам не чуешь?
- Он не вервольф, Руф, – устало возразила я. Все эти разговоры об оборотнях мне уже порядком надоели.
- Если он не вервольф, то я не собака, – глубокомысленно заявил Руф.
- Роске рыкнул что-то неразборчивое и выскочил за дверь. Я рванулась, было, следом, но пёс отрицательно мотнул головой:
- Не трогай его, Анка, пусть побегает... Успокойся, сам вернётся.
- Он темноты боится... И леса...
- Раньше, может, и боялся. После первого полнолуния перестанет, – заверил Руф.
- А вдруг что случится?..
- Да что может случиться с оборотнем в деревне оборотней?
- В словах пса была логика. Я осталась.

Евгений ГРЕП

Свадьба

(Глава из романа «Игла богини»)

Генерал Уррис брился... Нет, не так, генерала брили. Один демон в чине лейтенанта орудовал бритвой, второй взбивал кисточкой пену. Ондо, явившийся с докладом к повелителю, обратил внимание на странное выражение лица будущего сюзерена. Было оно кислым более обыкновенного.

– А... Ондо... Проходи... Что там в мире творится?

Капитан вошёл в кабинет, тщательно закрыв за собой дверь, взял у демона бритву и сделал выразительный жест. Генерал кивком отослал лейтенантов.

– Я только что из ставки...

– И?.. – Уррис поднял бровь.

Ондо приступил к бритью.

– Главнокомандующий озабочен... Войска Северного Королевства вступили на территорию бывшей империи...

– Серверное Королевство?.. Им-то что до...

– Не разговаривайте, пожалуйста, господин генерал, а то порежетесь, – Ондо провёл бритвой по подбородку. – А насчёт Королевства... Насколько я помню, именно туда сбежала принцесса Глория со своим мужем. Кроме того, с востока наступают варвары. По данным разведки, и те, и другие хотят помочь роялистам.

Генерал покосился в окно – за ним польхал пожарами город, последняя резиденция императорской власти. Военный министр,

которому удалось вырваться из кольца, отступал в беспорядке с жалкими остатками войск...

Ондо вытер полотенцем мыло с лица генерала.

– От варваров пришло послание с требованием отпустить дочь Великого Вождя-императора... Главнокомандующий просил вас появиться на совете, чтобы совместно решить судьбу революции...

Уррис пожал плечами

– Передайте гражданину Главнокомандующему, что я сейчас женюсь и приду.

Генерал взял цилиндр, полагающийся к его чёрному фраку, повертел в руках и спросил:

– Ондо, разве это обязательно?

– Вообще-то нет, но я подумал, что во фраке вы будете лучше выглядеть.

Генерал наградил Ондо тяжёлым взглядом:

– Как покойник?.. Нет, чёрт возьми, Ондо, я имел в виду другое... Вся эта свадьба...

– Смелее, мой император, – Ондо ободряюще улыбнулся генералу. – Вас ждёт богатство и слава!

Дружелюбно подталкиваемый капитаном, Уррис вышел. Дверь хлопнула, и тут же грянули фанфары.

– Черт возьми, Ондо, ваше чувство юмора... Оно просто чудовищно!

Принцессу Тамару вели по коридору... Нет, не так: принцессу Тамару конвоировали. Под локотки поддерживали две дамы средних лет и борцовских пропорций, сзади вышагивал почётный караул из демонов в чёрных с серебряным шитьём мундирах и миссис Гронир с букетом алых роз. Подол свадебного платья поддерживали два маленьких мальчика.

Ноги Тамары почти не доставали до пола, лишь носки красивых белых сапожек бессильно цепляли мохнатый ворс ковра. Рот надёжно запечатывал пластырь.

Но никакой пластырь не запрещал принцессе брыкаться, и она всюю пользовалась своим правом, из-за чего процессия передвигалась по коридору зигзагами. Шествие происходило под оглушающие звуки фанфар.

И ещё – мысли принцессы, в отличие от её тела оставались свободными. Здесь была смесь ярости и... ярости.

«Этот гадкий пластырь! Терпеть его не могу! Я даже Анри простила эту выходку только почти!.. О, Анри!.. Неужели ты позволишь мне выйти за какого-то негодяя-старикашку? Я могла бы в конце концов смириться, если бы это был кто-то помоложе и покрасивее, но ведь нет же, из всех претендентов судьба выбрала мне именно этого уroda... Конечно, эта свадьба считаться не будет и, как только освобожусь, я!.. я!.. Я разорву этого негодяя на куски! И этого негодяя Ондо тоже! И миссис Гронир... И тебя, Анри, за то, что ты не пришёл мне на помощь в нужный момент!.. Нет, хуже! Я выйду за тебя замуж и устрою тебе весёлую жизнь! Но, если

ты меня спасёшь... Тогда... тогда... Я всё равно выйду за тебя замуж! Мы будем жить во дворце и править империей – всем будет весело!»

Строя планы на будущее, принцесса немного отвлеклась от настоящего, а оно неотвратно приближалось. Когда дверь в часовню торжественно отворилась, принцесса думала: «Кстати, о первой брачной ночи! Это мой шанс! Не будет же этот настырный старик приглашать в постель охрану?.. – Тамара похолодела. – Или будет?» О такой перспективе принцесса подумала впервые.

В часовне всем заправлял бородатый военный священник в круглых чёрных очках и парочка его подручных – разжигали благовония, наспех перечитывали, вспоминая, молитвы... Жених уже был там.

«О господи, неужели мне предстоит выйти замуж за этого клоуна?!»

Действительно, во фраке и цилиндре генерал Уррис совершенно не смотрелся.

«Кажется, не совсем удачный наряд», – думал в свою очередь Уррис, ёжась под взглядами свиты.

Да, у генерала была свита! Он и сам удивился, когда увидел эту кучу старых вешалок и перчаток. Он даже хотел спросить у них, кого они тут ждут, но не успел, потому что его приход вызвал горячие аплодисменты. Ондо опять заявил, что так надо.

– Ондо, нельзя ли побыстрее? И вы, святой отец, прекратите возиться с этим полотенцем и начинайте!

Генерал встал перед священником, слева от него поставили невесту.

«Надо же... А эта стержокка выглядит совсем не так, как во время нашей пошлой встречи...» – отметил Уррис.

Конечно, на ней было белое свадебное платье с длинным хвостом, которое подчёркивало в нужных местах её фигуру. И волосы утром красиво уложили и прикрыли алмазной тиарой... Но не это тронуло сердце Урриса. Трогательная беззащитность, почти страх в глазах, наполненных слезами, – вот что сломало какие-то плотины в сердце генерала. Это взгляд напомнил ему что-то из далёкого прошлого, вот только Уррис никак не мог вспомнить, что.

Принцесса поймала его взгляд и слегка покраснела. В уголках глаз сверкнула слезинка...

Когда конвоирующие дамы отпустили руки девушки, принцесса не стала сопротивляться, а лишь осталась стоять, потупив взор...

«В конце концов, она всего лишь малое дитя, – подумал генерал с высоты своего возраста, невольно смягчаясь, – и боится предстоящей свадьбы, как и все девушки. Может быть, не стоит быть с ней таким жёстким? Может быть, стоит попытаться завоевать её сердце?»

– Не доверяйте ей, Уррис, – прошептал генералу на ухо Ондо, – эта хитрая бестия – само коварство...

– Полно вам, Ондо, вы думаете, я не смогу справиться с девушкой?

– Думаю, да... Вспомните вчерашний вечер...

– Это была случайность, предсвадебный мандраж...

Принцесса опять подняла взор и обратила его к Уррису, в её глазах застыла просьба.

– Ондо, снимите пластырь.

– Слушаюсь, господин генерал!

Ондо склонился к девушке и прошептал:

– Сильно не радуйтесь, ваше высочество, я всё ещё тут...

И рывком сорвал пластырь. Принцесса вскрикнула и заплакала.

– Виноват, господин генерал, случайность!.. – Ондо честно смотрел на генерала.

– Простите его, ваше высочество, он не нарочно!..

Генерал покопался в кармане и протянул принцессе платок. Тамара вытерла слёзы и робко улыбнулась.

– Я не потому плачу, господин генерал...

– А почему же, дитя моё?

– Сейчас она ударит вас ногой в ухо с разворота, – пообещал Ондо.

– Я боюсь... Эта свадьба... Всё так неожиданно... – принцесса всхлипнула.

– О, не волнуйтесь, Тамара, сначала всегда так, потом вы меня полюбите... Всё будет хорошо!

– Правда?

– Обещаю!

– Я вам верю!

Ондо забрал у принцессы платок и промокнул край глаза.

Священник хрипло откашлялся и спросил:

– Можно начинать?

Уррис кивнул. Ондо встал рядом с генералом, миссис Гронир – рядом с принцессой.

– Мы собрались здесь...

– Святой отец, пожалуйста, покороче, – попросил Ондо.

Священник растерянно поправил очки, полистал книжку, которую держал в руках, потом продолжил:

– Если кто-нибудь из присутствующих...

– Ещё короче! Переходите к главному!

– Господин Уррис, любите ли вы их высочество принцессу Тамару?

– Ещё короче!..

Принцесса опять умоляюще посмотрела на генерала.

– Пожалуйста!.. Я хочу, чтобы всё было по-правильному!..

– Действительно, Ондо, это ведь моя свадьба, а не твоя!

– Поверьте, господин генерал, в ваших интересах жениться как можно скорее... впрочем... – капитан пожал плечами. – Как хотите, – он кивнул священнику, – продолжайте.

– Итак, любите ли вы её? – спросил священник.

«Хороший вопрос, – согласился Уррис. – Она, конечно, милая девушка, но я люблю Ройку... впрочем, власть мне тоже нужна...»

– Да, я её люблю...

– А вы, ваше высочество, любите генерала Урриса?

Генерал ободряюще улыбнулся.

– Нет, нет и нет!.. Тридцать три раза нет, миллион раз нет! Ни малейшего шанса у этой старой развалины жениться на мне!

Тамара пнула Урриса по коленке и кинулась бежать, чуть не запнувшись об одного из мальчиков.

– Думаю, мне уже нет необходимости спрашивать, выйдет ли она за него замуж? – растерянно спросил священник у капитана Ондо, наблюдая, как гвардейцы ловят принцессу и пытаются привести её обратно к алтарю.

– Думаю, в этот раз мы перейдём сразу к записи в книге бракосочетаний, – согласился Ондо.

Тамара ликовала недолго. Скоро её, тяжело дышащую, с растрёпанными волосами и порванным платьем привели обратно. Генерал стоял, опираясь на капитана Ондо, потирал коленку и, к полнейшему негодованию принцессы, беззлобно смеялся.

– Ой, насмешила, девчонка!.. – он утёр слезу, выступившую от смеха.

– А я-то чуть было не подумал, что действительно могу ещё вызывать симпатию...

Теперь Тамару держали два лейтенанта в чёрной форме. Держали надёжно, так что не вырвешься, но принцесса, конечно же, пыталась. Чтобы не слышать всего того, что она думает по поводу свадьбы, капитан Ондо опять заклеил девушке рот пластырем. Свиту Урриса и мальчиков, поддерживающих платье, вывели. Тем более, что платье лишилось своего хвоста и поддерживать его необходимости не было.

– Продолжайте, святой отец, – попросил он священника.

– Да-да, давайте закончим поскорее с этим безумием, – попросил Уррис.

«Нет! – подумала Тамара, – Анри! Пожалуйста, спаси меня!»

– Мы собрались здесь... – начал было священник, но был остановлен генералом.

– Эдак мы будем ещё месяц жениться, давайте перейдём сразу к окончанию.

– Хорошо, – кротко согласился священник, перелистнул книгу. – Ваше высочество, согласны ли вы взять в мужья господина Урриса?

Тамара отчаянно замотала головой.

– Она согласна, – откликнулся капитан Ондо.

«Это какой-то сон, – думала Тамара. – Анри, разбуди меня, пожалуйста!..»

– А вы, господин Уррис, согласны взять в жены принцессу Тамару?

– Да!..

И тогда Тамара поняла, что Анрем всё-таки умер. Живым граф ни за что не допустил бы этой свадьбы. Принцесса опустила голову – одинокая слезинка сиротливо скатилась по её щеке.

– Тогда, властью, данную мне богом, я... не могу вас объявить мужем и женой.

«Что?» – принцесса подумала, что ослышалась. Впрочем, так подумали, наверное, все присутствующие в зале, потому что повисла гробовая тишина.

– Что, чёрт возьми, происходит! – вскричал, наконец-то генерал Уррис.

Священник закрыл книгу, снял чёрные очки и накладную бороду...

– Разрешите представиться, господин генерал, граф Анрем Цишина, ангел-хранитель их высочества принцессы Тамара...

Принцесса заплакала ещё сильнее, потому что перед ней в сутане стоял действительно Анри. Живой и улыбающийся.

Капитан Ондо протянул было руку, чтобы открыть кобуру, но, к удивлению, обнаружил её уже открытой. Незвестный голос за спиной попросил:

– Не стоит, господин капитан...

– Так-так-так, – генерал Уррис криво усмехнулся, обнаружив за спиной второго подручного священника, – история повторяется, Энди?

«Энди? – удивилась Тамара. – Ах да... эта легенда! Но, надеюсь, на этот раз Анри не погибнет? Ведь я ещё не сказала ему самого главного!..»

– Вы ошибаетесь, Уррис, – ответил Анрем. – История просто не может повториться. Небожителя Энди нет, а есть я, граф Анрем Цишина. И дело вам придётся иметь именно со мной.

– С превеликим удовольствием! Но немного позже, – Уррис мрачно усмехнулся, и по его знаку один из лейтенантов-демонов приставил к горлу принцессы нож.

Тамара всё ещё находилась в радостном состоянии. «Главное, что Анри жив, а остальное решится...»

– Урри... Ты, как я вижу, совсем не изменился?

Тамара ушам не поверила, когда поняла, чей это голос. Слава богу, Кристи жива.

Уррис повернулся, потом попятился, хватаясь за сердце.

– Чёрт возьми!.. Ройка?!

В проёме распахнутых дверей, сложив руки на груди, стояла Кристи собственной персоной и с недоброй усмешкой рассматривала залу-часовню. На ней был всё тот же офицерский мундир, в котором Тамара видела девушку в последний раз. И ещё – принцессе показалась, что её соперница неожиданно повзрослела и намного.

Перешагнув через тело демона, распростёртое возле порога, Кристи спросила:

– Не будет ли с моей стороны бестактностью присоединиться к вашему разговору?

– Ройка... Я не хотел!.. – бормотал Уррис.

– Хотел-хотел, – опроверг его Анри.

Кристи неожиданно изменилась. Её глаза жалобно округлились.

– Урри... Ты... Ты... – Кристи всхлинула. – Ты хотел жениться на ней?!

– Нет! Я не хотел!

– Урри, ты чудовище! Я тебя ненавижу!

Генерал Уррис вдруг стал задыхаться, глаза его остекленели. Сердце новоявленного диктатора не выдержало и остановилось.

– По-видимому, он очень сильно тебя любил... – заметил Анри.

– Старый козёл, – равнодушно прокомментировала Кристи. – Я ему ещё тогда сказала, что совершенно терпеть его не могу, но он продолжал строить иллюзии...

Тамара наконец-то обрела дар речи.

– Что это значит?! Кристи! Ты – Ройка?!

– Собственной персоной, – самодовольно согласилась Кристи. – Пойдём, Анри, нам нужно поскорее найти настоящего священника и пожениться!

Тамара тут же закипела.

– Это с какой это стати?!

– А с такой стати, с которой мы с Анри предназначены друг другу судьбой!

– Но Анри пришёл спасти меня!

– Теперь он своё дело сделал и может считать себя свободным!

Тамара решительно отвела приставленный к её горлу нож и шагнула к Анри, оттолкнув демона, растерянно переводящего взгляд с Анри на тело генерала Урриса и назад.

– Анри! Если ты сейчас уйдёшь с ней... я... я... – принцесса всхлипнула.

Анри не сказал ни слова. Он лишь осторожно обнял девушку, прижал к себе.

– Анри... – прошептала Тамара, прижимаясь к такой надёжной, пусть и покрытой сутаной, груди графа, – тебя так долго не было...

«Вот-вот, – подумала со вздохом Кристи, – это, наверное, финальный поцелуй. Благородный граф касается губами губ их высочества. Что может быть прекраснее?.. И в кого я такая отходчивая?»

– Кстати, Тамара, Анри вовсе тебя не любит. Это всё происки моей старшей сестренки, которая когда-то придумала одну вещичку...

– Чертовски вовремя, – согласился Даби, освобождаясь от сутаны. – И, кстати, не вот эту ли вещичку ты имела в виду?

В руках виконта была золотая иголка с маленьким рубином в форме сердечка.

– Да... – удивилась Кристи. – Но, Анри... Как?!

«Потому что я полюбил Тому ещё до встречи с тобой», – вслух Анри этого, естественно, не сказал.

– О чём это она? – спросила Тамара, она была счастлива и почти не слышала слов Кристи. Анри был с ней и только с ней.

– Я тебе потом расскажу...

Дальше капитан Ондо решил не слушать и осторожно выскользнул из залы. Зачем зря напоминать о своём присутствии?

А во дворце готовились к свадьбе и, поскольку принцесса Глория отказалась возвращаться в империю, то заодно и к коронации. Где-то

далеко от столицы ещё шли бои с повстанцами, а здесь уже всё блистало. В спешке подготавливали бальный зал и праздничный ужин на сотню персон.

А пока был ужин не праздничный, во время которого Анрем всё-таки ощутил всё прелести дворцовой жизни. Граф ничего не ел. Потому что вдруг с горечью осознал, что поведению за столом его никто не учил. Вернее, он учился сам, и те, с кем он раньше сотрапезничал, ничуть не возражали против его манер.

– Анри, тебе нравится этот салат?

Анрем лишь вымученно улыбнулся Тамаре. Принцесса на удивление споро управляла всей этой сложной системой вилок, ножей и щипчиков, более подходящей какой-нибудь пыточной камере.

А у Тамары испортилось настроение... Потому что она вдруг почувствовала, что её любимый Анри как-то отдаляется от неё. Нужно было срочно что-то предпринимать, и принцесса торопливо уронила на пол вилку и, не дожидаясь слуги, сама же её подняла.

– Ваше Высочество! – немедленно возопила миссис Гронир.

Тамара поморщилась.

– Тома, я подожду тебя в спальне, – сказал Анрем, поднялся и вышел.

– Пожалуй, я тоже пойду... – принцесса хотела кинуться вслед за Анремом, но была остановлена гувернанткой.

– Ваше Высочество, вы не можете идти в спальню молодого человека! Пойдут слухи!

– Отстань! – досадливо отмахнулась от неё Тамара, пытаясь прорваться к выходу. – Этот молодой человек завтра станет моим мужем!

– Вот тогда и...

– И вообще, что это за тон вы взяли со мной?! Я же императрица! То есть скоро стану ей!

– Вот тогда и...

Тамара всё-таки прорвалась.

– Ваша светлость!.. Подождите!..

И Анрем дождался. Запыхавшийся толстяк почтительно поклонился ему и протянул ему какую-то бумагу.

– Что это? – спросил удивлённо Анрем. – Перепись населения?

– Это – список приглашённых на свадьбу... В алфавитном порядке...

– В алфавитном? – Анрем просмотрел фамилии на буквы Л и Д. – А почему я не вижу в этом списке графа Лойзу и виконта Дабеля?

– Это досадное недоразумение! Сейчас же всё будет исправлено!

– Понятно... – Анрем криво усмехнулся. – Не трудитесь.

И пошёл дальше...

Когда Тамара, преодолевшая все преграды на пути, стремительно ворвалась в спальню Анрема, задыхаясь от бега, то никого там уже не обнаружила. Лишь на вешалке висел новый мундир графа. Старый же, который прежде висел там, бесследно исчез.

«Это неспроста!» – решила Тамара и стала искать.

И нашла.

Записка лежала на письменном столе, придавленная чернильницей. В заголовке значилось:

«Одной несносной девчонке, которая не стучит, входя в чужую спальню. Тома, это я тебя имею в виду!»

Тамара перевернула листок.

«Так выходит, Тома, что получая тебя, я вдобавок получаю и целую империю. И если тебя я приму с охотой, хоть ты и вредная девчонка, то империя мне совсем не нужна. А потому я покидаю твой гостеприимный дворец в неизвестном направлении.

Твой Анри.

PS. Я тебя люблю, и потому пойду медленно. Так что бросай ты свою миссис Гронир и догоняй».

Тамара запыхтела от возмущения. «Негодяй! Подлый соблазнитель! Похититель чести... впрочем, до этого ещё не дошло... Но всё равно, негодяй!» Принцесса скомкала записку и хотела швырнуть её под стол, но передумала. Расправила и положила на стол.

«О, Анри! – жалобно подумала она. – А меня ты спросить не захотел? Неужели ты думаешь, что, если меня заставят выбирать – ты или империя, я выберу империю? Вот ищи тебя сейчас... на ночь глядя...»

За окном действительно вечерело, громкий голос миссис Гронир звал принцессу... Суетились какие-то люди...

«Хорошо! – Тамара сжала кулаки. – Вы меня ещё узнаете!»

Телефон стоял на том же столе. Принцесса схватила трубку и попросила:

– Соедините меня со Ставкой... Кого позвать? Военного министра, конечно!.. Алло? Господин военный министр? Как там у вас дела? Наступление? Очень хорошо!.. Бросайте его ко всем чертям, заедьте к епископу и тут же оба ко мне! Как можно быстрее!.. Да, и скажите ему, чтобы корону с собой захватил...

Таким образом, коронация происходила в строжайшем секрете.

А на утро люди, отошедшие ко сну в империи, проснулись в республике. Причём текст отречения принцессы Тамары в учебниках сейчас печатается с изрядными купюрами, заменяющими слова «к чёрту» и «подавитесь».

Наталья ЖИЛЯНИНА

Канцелярия

Первый:

– Итак, господа, мы собрались сегодня, чтобы обсудить наши провалы и достижения на новом поприще и наметить перспективы развития. Начну с главного. Проект уже принёс первые плоды и поэтому

дальнейшее развитие и вмешательство одобрено свыше. На этом всё хорошее, чего мы добились, оставим за кадром и проведём разбор полётов. Формат нашего собрания следующий: от каждого отдела докладчик выступает с кратким отчётом о состоянии контингента, потом сообща обсуждаем проблемы. Отдел «дешёвых слёз», ваш первый отчёт.

Второй:

– За прошедший период сделано очень много и уже можно прийти к некоторым выводам. Начну с того, что потребность в слезах у человека является базовой и, хотя не осознается большинством индивидов...

Первый:

– Отдел «дешёвых слёз», короче. Мы это всё знаем и без вас. Выводы!

Второй (испуганно):

– Так я же об этом и говорю. Потребность в слезах заложена «свыше», поэтому извратить эту потребность и подменить её суррогатом мы взяли за основу концепции. И сначала всё шло очень гладко, эти оболтусы ревели крокодильими слезами над историями сбитых машинами ёжиков и кошечек (ёжики почему-то вызывали больше надрыва), над служебными собаками, которых должны усыпить и над детками из приюта. Естественно, приютить деток или собачек пытались единицы, и они тут же сталкивались на пути осуществления желаемого с такой канцелярской волокитой, что на выходе от единиц оставались тысячные, но это потери, которые неизбежны в нашем деле. Когда это перестало работать и автоматически перешло в отдел «раздражения», мы пустили в ход тяжёлую артиллерию: цветные фотографии избитых неадекватными родителями детей, до предела истощённых кошечек и собачек, красивые истории о девочках-самоубийцах или брошенных детьми стариках-родителях. Эта жвачка тоже сначала пошла на «ура», но эффект продлился позорно недолго. Всё перешло либо в отдел «раздражения», либо в подразделение «добрых дел». Сейчас в нашем отделе творческий кризис. Из всех недр мироздания мы не можем выделить и выдать на-гора настолько мощную чернуху, чтобы заставить обывателей дёшево поплакать, ничего при этом реально не делая.

Первый:

– Хм... Довольно неожиданный эффект. Но они ведь всё равно при этом ничего не делают?

Второй:

– Но зато плакать практически перестали.

Первый:

– Успокойтесь, вы просто не видите своими куриными мозгами отдалённую перспективу. (На словах «куриные мозги» собравшиеся сдержанно фыркнули, а Второй чуть не полез под стол от смущения).

Первый:

– Ладно. Что там с отделом «раздражения» и «добрых дел». К вам переходит почти весь материал. Что происходит с ним дальше.

Третий (раздулся от важности):

– Отдел «раздражения» трудится с максимальной отдачей. К нам переходят не только «слёзы». Недавно к нам перешёл почти весь материал из отдела «здорового образа жизни», и большинство рецептов из отдела «салатов и тортиков». Более того, многие материалы из отдела «страха» тоже теперь курируем мы.

Первый (мрачней):

– Люциус, что Вы скалитесь? Это не благая весть, то, что Вы нам говорите сейчас! То, что мы сначала извратили, а потом победили «слёзы умиления», заменив их «тотальным равнодушием», переходящим в раздражение, бесспорно, наша заслуга. Но другие отделы должны продолжать работать. Отдел «здоровья», что Вы можете ответить?

Четвёртый (сначала заикаясь, потом более уверенно):

– Мы-мы очень ст-тараемся. Если сначала основной была идея свергнуть общественность в повальное уныние из-за несоответствия идеалу «здорового человека», что почти произошло, то потом мы пошли дальше и стали намеренно запутывать обывателей, выдавая со всей возможной достоверностью противоречивую информацию. Например, сегодня мы советуем выпивать три литра воды минимум, чтобы прожить хотя бы до пенсии, а завтра электорат, уже с заметными отёками на всём организме, читает опровержение, что пить нужно столько, сколько хочется. А что мы вытворяли с продуктами. На одних ГМО и глутамате натрия заслужено столько виртуального битья морд и троллинга, что руководство могло бы это как-то и отметить уже...

Первый одёргивает:

– Не хвастайтесь, я об этом предупреждал вначале. Говорите по делу.

Четвёртый (покаянно):

– Да-да, это так, к слову пришлось. Но нам постоянно мешают. Отдел «салатов и тортиков» не нашёл ничего умнее, чем выкладывать свои дикие рецепты как раз под нашими диетами и фотографиями «до и после».

Пятый:

– Это Вы всё время лезете со своими диетами и фото знаменитостей в бикини. Только портите всё!

Первый:

– Всё! Брейк! Придумал: отдел «здорового образа жизни» и отдел «салатов и тортиков», вы не бодаться должны, а действовать сообща. С этого момента вы объединяетесь в отдел «ожирения и воздержания». Главным будет тот, кто первым представит мне новую концепцию совместной работы.

Четвёртый и Пятый испепелили друг друга взглядами, отряхнули пепел и яростно застрочили в записных книжках.

Первый:

– Отдел «добрых дел». Мы про вас помним. И я даже спрашивать не стану о причинах. Думать нужно верхней частью туловища! Добрые дела обывателей должны быть либо невыполнимыми, чтобы сеять разочарование, либо настолько лёгкими и невесомыми, чтобы не вызывать ничего, кроме

гордыни. Заплатил за СМС пять рублей – и как будто мир спас. Вот это по-нашему. А вы наплодили жуликов в сети, и теперь ваши сборы на операции с очень цветными фото больных детей у большинства этих идиотов вызывают только раздражение и желание побыстрее крутануть ленту, а дальше реклама! Отдел рекламы, вы должны вызывать вожделение и жадность, а вызываете нездоровый смех или гнев!

Третий (нахально):

– Шеф, ну объясните нам, наконец, чем Вам раздражение и гнев этих уродов не угодили? Разве мы не для этого действуем в итоге?

Первый:

– Люциус, я в Вас разочарован. Вы вознеслись и перестали соображать. Раздражение – эмоция сама по себе замечательная и вкусная, однако её должно быть в меру. Испытывающий раздражение и гнев от всего, что его окружает, – наш клиент. Но если его раздражает всё в сети – чем вы его в этой сети удержите? Не забывайте, что с гнева очень часто в истории начинались совсем иные движения человеческой души, которые приводили к чудовищным для нас последствиям. Гнев был свойствен даже Тому, о Котором мы не станем говорить ни сейчас, ни в другое время. Господа, осторожнее с гневом, чтобы он не пал на ваши головы!

Первый выпустил эффектную молнию, и собравшиеся в испуге съёжились.

– Отдел «страха», с вами-то что не так? Перед вами поставлена самая типичная задача: пугать. Пугать, а не смешить! Ядерный взрыв устарел! Предсказания конца света нелепы до отвращения! Придумайте же что-нибудь новое в конце концов! Восстание роботов и искусственный интеллект можно было подать под нужным соусом, но эту идею вы благополучно прозевали, и киношники уже довели её до абсурда. Чтобы через три часа у меня был подробный план ваших дальнейших действий.

Первый помолчал, оглядывая сжавшихся подчинённых, и со значением припечатал:

– И единственный отдел, который работает относительно нормально, это отдел «блуда». Но хвалить я вас не стану, много чести. Собрание окончено.

Надежда КАЛАШНИКОВА

Счастье на развес

В маленький уютный магазинчик с вывеской «Счастье на развес» заходит покупатель.

– Здравствуйте, проходите, пожалуйста.

– Доброго дня. Мне бы счастья немножко, с полкило примерно. Соскучился, давно не покупал, вот решил зайти посмотреть, – усталый мужчина средних лет нерешительно останавливается перед прилавком.

– У нас большой выбор видов счастья. Вас какое интересует? – за прилавком возникает женщина средних же лет в аккуратном белом чепце.

– Да я, собственно... – мнётся покупатель, переступая с ноги на ногу.
– А какие вообще виды есть?

Женщина грустно улыбается, и негромкий её голос заполняет помещение.

– Есть золотое счастье: утренний луч солнца; огонь в камине; яркие праздничные огни; музыка, поднимающая усталый дух и усталое тело на небывалые высоты. Есть счастье цвета серебра: одинокая прогулка; странствия; поиски и размышления. Если вам по душе алые рубины, то вот пылкость души и любовь к людям, что способна перемолоть тысячу препятствий на пути. Предпочитаете спокойный зелёный? Вот маленький сад, который вы будете возделывать и наслаждаться плодами своего труда. А вот этот изумительной красоты изумруд – когда твоими плодами наслаждаются другие... Взгляните на пронзительную глубину синего – счастье встретить родственную душу, понимающую с полуслова. Здесь переходы фиолетового и розового. Увы, они не пользуются популярностью – открытая миру и жадная до истины душа нередко обречена на провал... но зато сколь великолепно это счастье!..

Мужчина замер, слушая продавщицу.

– Даже не знаю, что и выбрать, – наконец заговорил он. – А чего-нибудь вроде успеха у вас нет?

– Успех, власть и золото – в магазине через дорогу, – быстро ответила женщина. – Там всегда большие очереди... И немудрено – туда завозят великолепные пурпурные типажи, высшая проба... Но эти вещи очень требовательны: малейшая халатность, небрежность, нечестность – и пурпурный становится тёмно-багровым, как запёкшаяся кровь, а потом и вовсе чернеет...

Покупатель хмыкнул.

– Почерневшее счастье – невелик навар. – Он почесал в затылке. – Но что же мне всё-таки выбрать?..

Женщина поправила белый чепец.

– Если вы мечтаете об успехе, то могу предложить вот этот компактный садик. Видите, зелёный с золотыми переливками. Вложенные в него усилия окупятся сторицей.

– Честно говоря, работы и всяческих усилий мне и так хватает, – покупатель явно не горел желанием приобретать такое сомнительное счастье.

Женщина пожалала плечами. Тут дверь скрипнула, и послышалось тоненькое «мях!» Серый, явно бесхозный котёнок заполз в магазин в надежде поживиться и отогреться.

Мужчина был очень занят раздумьями о том, какое же счастье ему выбрать, и не обратил внимания на кошачий писк. Но когда о его ногу принялось тереться что-то тёплое, ему пришлось посмотреть вниз. И сперва он нахмурился, а потом на лице медленно проступила улыбка, да

такая добрая, что следы усталости куда-то пропали. Он подхватил котёнка на руки, и тот забурчал ещё громче, впевнившись коготками в полосатый шарф.

– Некому о тебе позаботиться, – вздохнул мужчина. – Несправедливо! Пойдём-ка со мной – у меня как раз дома пачка сосисок вчера куплена, покормлю тебя.

И, забыв о том, что так ничего и не выбрал, покупатель пошёл к выходу, баюкая на руках отогревающегося зверька. Он уже собирался открыть дверь, как прямо у него перед носом по воздуху спланировала бумажка. Недоумевая, он взял листок в руки и прочитал: «Счастье. Вес: полкило. Цена: бесценно».

Станислав КИСЛИЦЫН

Банщик

(Глава из романа «Филиал»)

Ребят, у вас тут не занято? А пиво какое? Чешское? Отлично, тогда наливайте, только светлого, пожалуйста. Эх, хорошо-то как! И вид на вулкан просто замечательный!

Да, я тут новенький. Разрешите представиться – Андрей Петрович. К вам сюда попал прямо с последнего места работы. Ага, работающий пенсионер. Хе-хе. Только пенсию мне не платили. Да и вообще никаких денег мне не платили. Вкальвал, так сказать, за пузырь. И даже без закуси.

Говорите, на такой диете и дуба дать можно? Тут такое дело... В общем, я ещё до последнего трудоустройства, был того – мёртвым. Нет-нет, какие тут шутки? Я умер давным-давно. Правда, много лет после этого бездельничал, да пьянствовал, уже и не упомяну сколь. А пару месяцев назад, меня приняли в должность помощника особо важного следователя. Да говорю же – мёртвого! Что тут смешного? Не верите? Ну да, поверить в это сложно, так что давайте-ка расскажу, как так вышло. Тогда наливайте ещё одну! Ага, благодарствую.

Работал я смотрителем в одной общественной бане в небольшом сибирском городке. И дело я своё любил. Если не обращать внимания на зарплату, то было в моей профессии ну очень много плюсов. Например, обожал я, шутки ради, иногда в женское отделение заглядывать с внезапной проверкой – ох, бабы и визжали! А я что? Работа такая, а ну не кричите на меня, утечка тут у вас, надо проверить, а то ошпарит кого! А они распаренные, верещат, как могут, и, чем могут, прикрываются. Конечно, веселее всего смотреть на тех, кому один тазик достался. Или только мыло. Ох, и тяжёлый выбор для голой женщины – какое место в первую очередь прикрывать. А я этот весёлый процесс не раз наблюдал. Женская логика в экстремальной ситуации – волшебное зрелище. Кто знает, тот поймёт. Нет, вы плохого не подумайте про меня. Я уже был в том возрасте и состоянии здоровья, когда особо не до сексу. Как говорится «на полшестого»...

Просто нравилось мне такие шутки шутить. А вот по-настоящему любил я больше другое: после окончания рабочего дня задержаться сверхурочно, посидеть в парной. С пивком, а то и с рюмочкой, да.

Лучше бы я этого не делал.

Дальше можете догадаться сами: переборщил я однажды с градусами, во всех смыслах.

Вот и помер.

Стою, значит, в банном халате над своим телом, подкручиваю усы и понимаю, что всё изменилось и что будет дальше – как бы представляю, но что мне делать – не знаю.

Тело моё нашли на следующий день, вызвали медиков, милицию, потом отвезли в морг. Я пока там толкался, среди таких же недавно усопших, мне подтвердили информацию, что, мол, есть у меня три дня – утрясти мирские дела: ну там, посмотреть, как родня начнёт драться за наследство в виде однокомнатной квартиры, да спорить, кому и сколько на похороны потратить. И, главное, послушать про себя всякое хорошее на поминках.

Ну, а там ещё шесть дней – и всё, надо куда-то дальше двигать. В рай. Или в ад. Или перерождаться тут заново. Ну, к этим вариантам, честно говоря, я заранее и готовился.

Вот тут-то накладочка и вышла.

Дело в том, что у меня в 90-х годах крышечку от моего чайничка, того, снесло немного по религиозной теме. А всё почему? Проклятый алкоголь! Пил я тогда всякое, употреблял, так сказать, вещества разной степени горючести, далеко не полезные не только физически, но и психически. И вот как-то пропёрло меня с одной дряни на особо тяжкое похмелье, решил попробовать другие вероисповедания. Лучше бы я этого не делал, да.

Нет, от креста православного я не отрекался, упаси боже. Но увлекся я тогда ещё индуизмом, потом буддизмом, потом... э... ну, в общем, и обрезание сделал. А чего ему без дела болтаться? Ну и так далее – по списку. Решил, значит, перепробовать все доступные варианты.

Спрашиваете, зачем мне это всё нужно было? Не, ребят, раз такой вопрос, значит, вы об этом при жизни и не думали никогда. А я по белой горячке, как почувствовал, что мне плохо, что вот-вот помру, понял одну простую мысль: религий много, но какая тебя примет после смерти – факт, науке неизвестный! Вот так. Все верования и учения нет-нет, да имеют противоречия между собой. И откуда нам, простым людям, знать, какой из богов истинный? Ведь почти все они претендуют на первое место. Это сейчас мы сидим тут у пивного вулкана, потягиваем чешское. Считаю – свезло несказанно. А так, живёшь всю жизнь одной-единственной верой и не знаешь – что там дальше будет? Что на самом деле тебя ждёт? Помрёшь – бах, вместо рая с ангелочками (ну или гуриями) тебя ждёт перерождение. Или жрал говядину и не приносил даров Кали, вот она возьмёт, да и припомнит тебе эти упущения! Короче, запретов дофига, промахнуться легко, а потом уже ничего и не исправить.

Вот и решил я, значит, подстраховаться. Стал, так сказать, первым синтетическим верующим в нашем сибирском захолустье.

Накладочка же вышла, потому что племянничек мой перестарался. А ведь я ему одному квартиру завещал, не думал, что он в порыве благодарности так отчебучит...

Пока я был ещё жив, мы с ним частенько по пятницам выпивали, он мне жаловался на творческие проблемы, а я ему свою точку зрения на смерть объяснял. Раскладывал по полочкам мою теорию, про необходимость участия во всех религиях и верованиях. При этом просил его, как помру, главное – никаких церемоний. Сожгите меня, а прах по реке пустите или по ветру развейте, там душа моя сама разберётся, куда ей дальше идти и кто её примет.

Нет же! Он знал про завещание и решил отблагодарить меня. Так сказать, помочь в силу своих умственных способностей, увеличить мои посмертные шансы. Сначала упёрся рогом на подготовке к погребению: «Дядька в религиозном плане был сложный человек, но похоронить мы его должны согласно родной вере. Батюшка, отпевание. Как полагается, по-христиански». И отпели. Правда, сожгли тело в крематории, но это вроде как допускается, и прах мой в землю закопали.

Казалось бы, угадал племян, ведь стал я замечать в небесах свет такой приятный. И так потянуло меня к нему! Думаю, вот хорошо-то как, что родная вера душу принимает. «Отче наш» вспоминаю, от чего сияние всё ближе, и тянет меня к нему, и тянет. И каюсь я, каюсь, не останавливаясь, что по глупости искал спасения в других религиях.

Но тут снова вмешался племянничек, который на следующий же день, выкопал мою урну с прахом, разделил его примерно на равные кучки. Стало быть, по частям – сколько я вариантов исповедовал, по стольким он заказал ритуалы и перезахоронил. Вот лучше бы он этого не делал! Понятно, что из лучших побуждений делал, даже сидел у одной кучки моего праха, Бардо Тхедол зачитывал.

Перестарался, блин!

Свет в небесах стал тускнеть. И погас окончательно, когда последние остатки моего праха он в кульке петардами обвешал и бахнул от души. К гуриям, значит, путёвку пробивал! И не говорите мне, что хотел, как лучше, я все равно считаю, что он идиот!

Изначально планировал я так, что, может, будет у меня после смерти выбор: идти в одну сторону с одними душами, или в другую с остальными, да хоть обратно вернуться и в колесе самсары заново крутиться. Готовился к этому ещё при жизни – особо не грешил, посты и праздники соблюдал. Но, видать, из-за того, что оформил меня племянничек сразу по всем инстанциям, не взяли меня, ни в христианский рай, ни в какой другой, да и переродиться не дали. Закрыли допуск на всех проходных. Даже в ад не пустили, хотя не очень-то и хотелось. Не совсем понятно, от чего так вышло, но думаю, что просто обиделись. Я бы точно обиду затаил, особенно за этот дурацкий подрыв.

И застрял я в этом мире, не нужный никому. Ни туда, ни сюда. Хорошо, что наткнулся на один вариант, который дал мне надежду на покой. Мир Сид, или Ши. Слыхали?

Попал я туда совершенно случайно, так сказать, по пьяной лавочке. Ведь что самое интересное я выяснил после смерти, так это то, что можно дальше употреблять. Ну, не совсем обычным способом, зато пей что угодно – и на халяву, и без последствий. Достаточно лишь держаться поближе к рюмочке или к фужерчику с винишком – испарения потихоньку пропитывают тонкую материю, и настроение сразу поднимается. Жаль только, процесс подобного употребления алкоголя не слишком-то и быстрый.

В общем, решил я, раз уж тут застрял, буду путешествовать по миру, пробовать разные интересные напитки, наслаждаться природами и красотами. Лет двадцать, наверное, странствовал, пока не попал в Ирландию – по чистой случайности узнал, что там была одна эксклюзивная вискокурня, мечта всех миллионеров-алкоголиков. Я как про неё услышал, так сразу и направился туда попробовать чудесный напиток задарма.

Отдыхая в Ирландии, я и наткнулся на страну холмов и теней – Сид или Ши. Встретился с тамошним народцем, туатами. Общий язык нашли почти сразу, уж очень развеселил я их тем, что называл себя «банщиком». На их наречии «баньши» или «банси» – это дух женщины из мира Сид. Ну а я, стало быть, «банщик» – тоже дух, только мужик. Вроде как, по их понятиям, за «петуха» шутили, а меня такой юмор ох как злил. Что, к слову, веселило их ещё больше. Ну да ладно, не со зла дурачились. Это у них юмор такой – английский.

В итоге эти туаты мне очень сильно помогли, и даже объяснили про устройство вселенной. Рассказали, что миров – преогромное множество, а загробные измерения, они как бы одни – общие для всех душ и ведут сразу во все доступные миры. Вдобавок, ещё существуют области Хаоса, но что там происходит – неизвестно. Ведь доступ туда закрыт даже в посмертной реальности.

Хотели оставить меня у себя туаты, но не могли, их призрачная страна стала не востребовавшей, и поэтому её вскоре должны были соединить с другой, куда меня уже не пускали. Но народец холмов не бросил меня в беде, они объяснили, что придётся моей душе ещё какое-то время странствовать по мирам, пока я не принесу какой-то большой пользы, вот тогда-то меня, наконец, простит и примет одна из религий. А дабы мне можно было взаимодействовать с живыми, они научили меня некоторым вещам. Ну там, выть так, чтобы меня люди слышать могли, предметы двигать, делаться видимым человеческому глазу. В общем, когда я покинул их, отправился искать, кому и чем смогу помочь, то был уже вполне себе профессиональным полтергеем. Чего смеетесь? Мне это название тоже не нравится. Только с моей полезностью оказалось всё не так гладко – люди обычно в обморок падали и священников звали, когда я пытался помочь. В общем, удавалось мне лишь панику, да страх на

окружающих наводить. Какая тут помощь, вред один... Эх, лучше бы я этого не делал.

Поэтому, расстроенный неудачными попытками, через некоторое время я бросил свои старания быть добродетельным духом и снова запил. На много-много лет.

И плыл я печально по синей волне до тех пор, пока не наткнулся в Италии на одного персонажа, который и стал моим работодателем. Вернул мне цель и смысл моего посмертного существования.

Во время очередного запоя, всё так же совмещаемого мной с туризмом, решил я как-то лучшее итальянское красненькое найти и заценить. Стало быть, оказался в Пьемонте и набрёл на один домик в горах, где обитал одинокий монах. Он как раз достал пыльную бутылочку из своего погребка, открыл её, наполнил бокал, оставил вино подышать, от запаха пробки избавиться.

Я и завис рядом. Ого, по аромату-то напиток просто расчудесный! Монах уже тянется его употреблять, а у меня-то ещё ни в одном глазу. Думаю, дай появлюсь и шугану его, может, не станет он меня изгонять и просто сбежит. До города тут далеко, пока вернётся с подмогой, если вернется, я успею пропитаться испарениями до полного своего удовольствия. Материализовался я перед ним, взвыл грозно, а монах-то ни разу не испугался, откинул капюшон и с улыбкой поприветствовал меня.

Я как увидел его зелёную змеиную морду, сразу понял, что газетёнки-то не ввали про заговор инопланетных ящериц. Так прямо и сказал в своём удивлении: «Рептилоид! Да ну на!...»

– Да, я рептилоид, аннунак, вы правы, – подтвердил он и пригласил меня к столу. Там и завязался у нас долгий разговор за устройство вселенной, за религии, за принуждение миров к порядку и так далее. В общем, гульнули мы на славу и с обоюдной пользой. Предложил он мне пойти к нему в помощники, поскольку есть у меня ряд преимуществ, благодаря которым его работа следователя может быть куда более эффективной. По зарплате договорились, что он будет проставляться качественным алкоголем – а мне большего и не надо. Кроме того, через помощь ему я планировал, что-то хорошее и важное начать делать. Чтобы уже двигаться дальше, а не болтаться среди живых бесплотным духом до конца времен. Вот и оформил он меня в отдел внутренних расследований своим помощником.

А тут вскоре и дело подоспело, беда произошла – потерялось одно измерение. Нас и направили выяснять, как это случилось и что там было на самом деле. Меня он послал заранее в ту контору, которую мы должны были вместе проверять. Я сразу же выведал кой-чего, вернулся, всё рассказал. Двинули на следующий день уже с официальной проверкой. Пока моего начальника морозили на всех проходных, да секретарь сдерживала, я в кабинете местного козломордого директора бесплотным

духом дежурил. Поглядывал, как он с бумажками мухлевал, даже не подозревая, что рядом с ним невидимый помощник следователя всё это преступление наблюдает.

Ну, а когда мой босс, Геннадий, начал этому сатиру всё по полочкам раскладывать и припёр старого козла к стенке, стало быть, решили они его с жабой загипнотизировать.

Тут-то Андрей Петрович во всей красе и проявился!

Взвыл я, что есть мочи, да и материализовался перед ними. Жабу шуганул под стол, а козла напугал так, что у него, ещё минут десять, не получалось трясущимися руками коньяк себе налить.

И вот значит, мой начальник распекает и страшает обманщиков, а я грозно подвываю в нужные моменты. Работа в разгаре! Но тут – бах, с потолка посыпались макароны!

– Петрович, ты чего творишь? – спрашивает начальник мой, Гена.

– Филиппыч, а это не я, – отвечаю и уточняю, – не обучен я такому.

Догадались уже? Да, то и вправду, ребята, был не я. Макарошки сыпаться перестали, но появился среди них благообразный паренёк с дуршлагом на голове и в одежде пирата.

Говорит мне:

– Андрей Петрович, день добрый. К нам тут информация поступила, что вас нигде не принимают, а у нас в раю пустовато. Не так давно наша вера появилась, вот большой босс и требует, как можно больше новых душ приводить. Чтобы не скучно в наших краях было. Ну, а раз уж макароны с тефтельками ваше любимое блюдо, да и жили вы по принципу «лучше бы я этого не делал», вы уж не сочтите за навязчивость, но вас к себе зовём.

Я, конечно, обрадовался, но уточнил у этого пирата, а что за рай такой?

Оказалось, что обитать в тех краях предполагалось рядом с пивным вулканом да весёлыми стриптизёршами. И даже потенцию обещали вернуть – рай всё-таки. Считай, мечта любого банщика! Да-да, ребята, конечно же, вы правы, что поправляете меня. Считай мечта любого мужика! Теперь всё верно?

В общем, я сразу согласился, извинился тут же перед Филиппычем, мол, так и так, шеф, но пойми меня правильно. Тот огорчённо рукой махнул, мол, всё понимаю, вали давай, раз уж зовут напрямиком в рай.

Обрадованный, отбыл я, не раздумывая.

А сейчас-то сию, потягиваю тут с вами пиво, глядя на вулкан да на румяных девок, и думаю, это что ж получается, что я начальника своего подставил? Он же один там с этим козломордым и жабой-гипнотизёршей остался!

Эх, лучше бы я этого не делал.

Ну вот, пиво что-то кислить стало.

Четыре ухода

УХОД ПО ФЭНТЕЗИ

Она сидела на берегу моря. Сидела и смотрела. День был длинным и прекрасным. Действительно прекрасным. Может, потому что был последним.

Она слышала за спиной шорохи, потрескивания веток под чьими-то ногами, лапами... или копытами. Невнятное бормотание, шепотки, рычание, тихое пение...

Не оборачиваясь, она всё равно знала, что вокруг собираются волшебные существа – все те, кого когда-то выдумал, в кого поверил человек. Эльфы, тролли, единороги, гномы, кентавры, дриады, феи и баньши; маленькие домовики, покинувшие опустевшие дома, в которые уже никогда не вернутся хозяева. Русалки и сирены, притихнув, покачивались неподалёку в прозрачных волнах. Переливающийся морской змей безмолвно свивал и развивал кольца бесконечного тела. Над головой парили, заслоняя распахнутыми крыльями небо, драконы всех цветов, обликов и размеров – точно праздничные флаги плескались на ветру...

Все сегодня пришли посмотреть на неё. Все знали, что она уходит.

Как жаль покидать этот мир. Здесь говорят с ней ручьи и деревья. Здесь разноцветные, огромные, яркие звёзды соединяются в удивительной красоты созвездия, обрушивающиеся фейерверками с бархатного ночного неба. Здесь стремительны ослепительные рассветы и торжественно-долги – пылающие закаты. Здесь можно полюбоваться танцем фей и забыться сладким сном под эльфийское пение. Здесь гордые драконы делятся с нею радостью полёта. Здесь ночью к костру приходят дикие звери с человеческими глазами и разговаривают с ней о своих звериных делах.

А ещё здесь есть замки. Великолепные, белоснежные, в которых живут прекрасные принцессы и храбрые лорды... и тёмные, зловещие, где изнывают под вековечным проклятьем несчастные призраки, воют голодные ветры да плетут паутину белесые пауки. Маги в мантиях и остроконечных шляпах, вышитых звёздами, позволяют один взмах волшебной палочки – чтобы исполнилось самое-самое заветное желание. А злобные уродливые колдуньи дарят яды и приворотные зелья.

Этот мир был к ней добр.

Теперь настало время его покинуть. Семья. Дети. Карьера. Быт. Пора прощаться со старыми сказками. А сможет ли этот мир существовать без человека, который в него верит? Или исчезнет, растворится, растает, словно сахар в горячем горьком чае повседневности?

– Мама, мама, а почему люди уходят?

– Всё потому, маленький мой, – сказала женщина-кентавр, – что мы перестаём в них верить.

УХОД ПО АПОКАЛИПСИСУ

Она знала – ей не уйти. Она и так долго продержалась – почти месяц после разгрома последнего отряда людей. Не осталось ни боеприпасов, ни электромагнитных ловушек, ни вирусов, которые она могла подпустить в сеть... Не осталось сил.

Да и ног – тоже.

Противошоковые и обезболивающие препараты ещё действовали. Жгуты перетягивали перебитые ноги. Она посмотрела на правую: белый осколок кости. В госпитале могли сделать протез. Ну и что с того, что она стала бы похожа на мехов? Разве есть разница, какой, к примеру, рукой держать оружие – живой или механической? Главное – на кого оно направлено. Только вот беда, госпиталя больше нет. И вообще, уже несколько месяцев никто не выходит на связь. Они грешили на поломки или помехи, но что, если...

– Последний человек.

Она поспешно заморгала, прогоняя туман перед глазами. Напряглась, пытаясь сесть повыше.

– Информация верна?

– Обработаны данные со всех сохранившихся участков суши. Последний человек.

Мехи почему-то пользовались устной речью, хотя вовсе в этом не нуждались. Наверное, мода у них нынче пошла такая...

Они не торопились. Давно просканировали её на наличие-отсутствие оружия (от автоматического до вирусного), измерили параметры жизнедеятельности – и пришли к выводу, что опасности человек уже не представляет.

Она где-то потеряла инфра-очки и сенсорные наушники и теперь слепо поводила головой, пытаясь определить, где находятся мехи. Голос прозвучал ближе и яснее: мех переместился или отрегулировал громкость, чтобы она лучше слышала его своим слабым человеческим ухом?

– Они действительно нас создали?

– Да.

– Новое поколение считает, это ложная, мутировавшая в сети информация. Нас создал мех.

– А кто создал меха? Посмотри на человека. Неудивительно, что он пытался сотворить кого-то сильнее, умнее, быстрее себя. А потом не выдержал конкуренции с собственным созданием. Искусственный отбор.

– Мы-то вас создали, – сквозь зубы пробормотала она. – А теперь попробуйте-ка создать нас.

Пауза – это у них называется обработкой информации.

– Человека ещё можно спасти.

– Зачем?

– Исчезнет информация.

– У нас есть все возможные базы данных по людям.

– Поэтому мы можем оказать человеку медицинскую помощь.

– Зачем?

Она всё глубже проваливалась в звенящее забытье. Она что, так и сдохнет, слушая их бесконечную трепотню? Раньше мехи так не медлили.

– Эй! – позвала она. Как ей казалось – вызывающе насмешливо. На самом деле – еле слышным шелестом, не голосом. Но мехи сразу умолкли. – Думаете, вы можете всё? Нетушки! Вы не сможете сказать это – жизнь прекрасна... твою мать!

Она уже не почувствовала, как её поднимают с земли – тщательно рассчитанным усилием, чтобы не повредить и без того нефункционирующее тело последнего человека.

И уже не слышала слов меха:

– Я могу сказать это. Жизнь прекрасна твою мать.

– Это спам, – сказал второй.

УХОД ПО МИСТИКЕ

Они всё-таки настигли его. Они долго искали, гнали, шли по следу, как давно уничтоженные человеческие собаки (выжили лишь те, кто скрылся в лесах, одичал). Они шли, оставляя за собой ослабевших и сонных, опустошённые Банки донорской крови, обезлюдившие города, в которых их не выросшие дети играли в футбол человеческими черепами. Они знали, что когда-нибудь найдут, настигнут его – и это будет высшим пиком их существования, незабываемым впечатлением, о котором потом веками будут рассказывать легенды...

Они настигли его. Они не торопились, о нет, они не торопились. Они вдоволь насладились долгожданной игрой. Пугали еле слышными шорохами в ночи, прикосновениями невесомых невидимых крыльев, эхом потерянных голосов, тенями, скользящими по границам восприятия... Они пили его страх, его неверие, его панику и отчаянье. Наслаждались теплом, исходящим от человеческого тела – теплом, которое не могло заменить ни пламя костра, ни кое-где ещё действующее электричество, ни даже радиоактивный жар оставленных атомных станций. Они наслаждались Жизнью.

Даже когда человек сумел уничтожить одного из них, он доставил им удовольствие – вспышкой свирепой радости, ярости и короткого торжества – энергией эмоций, которые были им уже не доступны. Они наслаждались, когда рвали зубами его тело, наслаждались, выпивая... смакуя горячую кровь из его вен – каждый глоток был мал и драгоценен. Даже умирая, он вместе со своей кровью одаривал их давно не пробованным деликатесом человеческих ощущений.

...То, что лежало перед ними, было просто осушенным бурдюком, обескровленным мешком из костей и кожи. Исчезло всё то, что заставляло искать его, жаждать, любить и любоваться им. Исчез сам человек.

Последний человек Земли.

Вампир оглядел своих товарищей. Вот их ни любить, ни жаждать... ни выпить он не мог.

– А что дальше?

УХОД ПО НФ

Лекция по истории планеты, которую вымершие аборигены называли Земля, подходила к концу. Космические туристы, скучая, зевая и обмахиваясь проспектами, еле тащили свои усталые конечности к последнему экспонату. Экскурсовод, заслоняя собой стенд, выдержал паузу.

– А здесь мы видим последнего живого землянина!

Он посторонился, предъявляя человека восхищённым взорам. Туристы прильнули к экрану.

– Это что, действующая модель?

– Разумеется, нет! – оскорбился экскурсовод. – Это клон человека, который действительно существовал в так называемую атомную эпоху. Используя сохранившуюся информацию и память клона, мы воссоздали наиболее подходящие для него условия жизнедеятельности...

– Глядите, он двигается. Он... смотрит на нас! Он нас видит?

– Разумеется, видит. Экран обоюдопрозрачен. Любому живому существу требуется некоторый набор впечатлений – иначе он просто не сможет существовать.

– Он говорит? Что он говорит?

Экскурсовод прислушался. Он выучил множество мёртвых языков Земли и один живой – на котором изъясняется единственный представитель человечества.

– Ну что, лупоглазенькие? – говорил представитель человечества. – Пришли на диковинную зверушку попялиться? Любуйтесь-любуйтесь, вас ждёт такой же конец. Запрут в стеклянную клетку, будут пичкать синтетической дрянью, и будут на вас тарашиться всякие космические ужасики...

– О, ничего особенного! – поспешно сказал экскурсовод. – Он приветствует вас.

– И какова продолжительность его жизни? – спросила альфа-центаврка, зачарованно рассматривая человеческое существо. – Я хочу рассказать своим, пусть заглянут сюда на досуге.

Сияние экскурсовода несколько померкло. Он сказал извиняющимся тоном:

– По правде говоря, это уже третий экземпляр...

– Не удастся создать необходимые условия существования?

Экскурсовод замахал всеми своими конечностями – а их у него было немало.

– Что вы, что вы! Разработкой занимаются лучшие научные умы! Проблема в самом человеке!

– То есть?

– Он просто не может поверить, что никого из людей больше не существует. Что не существует самой планеты. Он несколько раз пытался бежать – и всякий раз это заканчивалось для него гибелью. Теперь вы

понимаете, почему человеческая история подошла к столь печальному финалу? Человек просто не в состоянии смириться с очевидным.

Экскурсия закончилась. Космические туристы с облегчением и шумом отправились на свой корабль. Альфа-центаврка задержалась. Человек поднял голову, так же пристально оглядел её странными прозрачными маленькими глазами. Сказал – довольно дружелюбно:

– Ну что, глазастик? Понравился я тебе? Иди-иди, не отвлекай меня. Не мешай.

Он как раз продумывал, как обмануть датчики. Нет, инопланетяне хорошо с ним обращаются: сытно кормят, следят за здоровьем, заботятся даже о его развлечениях – вон, понатащили всяких телевизоров-компьютер-книг-плееров...

Только они никак не могут понять, что пока жив хотя бы один человек, человеческая история НЕ ОКОНЧЕНА.

Иван КРАСНОВ

Аквариум

Обычный зимний вечер. Я шёл с работы домой по аллее. Но этим вечером что-то изменилось. Мною было просмотрено много документальных фильмов про море. И сегодня я почувствовал себя героем такого фильма.

Ветер мерно покачивал ветви берёз. Они провожали мои скрипящие шаги. Нет, не шаги. Хруст раковин моллюсков. Снег застилал глаза. Почувствовав непогоду, я с усмешкой вспомнил школьную задачку по физике о сложении скоростей встречно движущихся объектов.

Путь среди метели мне указывали фонари, группой летающие над аллеей. Фонари ли это были? Лучи света от мерцающих ламп шли сверху и беспорядочно шарили по земле, порою выхватывая кого-то из тьмы. С такой высоты они казались прожекторами рыболовецких судов. Такой прозрачный намёк: ты – морской житель, на тебя идёт охота. И я знал, что этим вечером попадусь.

В сумерках через снег, летящий в глаза, я заметил большое тёмное пятно. Аллея была ограждена айсбергами сугробов. Пятно быстро приближалось ко мне, издавая всё усиливающиеся скрипящие звуки. Бежать назад? Но страх сковал мои ноги, дыхание перехватило. Будь что будет! Сердце забило быстрее! Я ещё жив? Если мне суждено умереть здесь, давай судьба, лишай меня жизни! Секунды казались вечностью... Пятно оказалось девушкой. Она пробежала мимо своими пухлыми ножками в чёрных кожаных сапогах на каблучках, махая кому-то рукой. Капюшон и пояс её норкового полушубка трепало на ветру. Со стороны девушка показалась мне креветкой. Так милы и смешны были её движения. Навстречу стали попадаться и мужчины. Они прятали руки в карманы чёрных дурых пуховиков, затягивали пояски капюшонов и, как напыщенные от гордости осьминоги, перебирали

ногами. Мимо меня со страшным скрипом проплыли морские черти. Обычно тихие, они освещали себе дорогу и громко сигналили.

Наконец я добрался до своего подъезда и ввалился внутрь с шумной толпой соседей. Влился в людской поток, потеряв свои шаги среди других. И лишь дома, захлопнув дверь после тяжёлого рабочего дня и безудержного веселья соседей, остановился на минуту. Я с улыбкой вспомнил своё вечернее приключение. Сильно хотелось спать. Но любопытство было сильнее. Я разулся, прошёл на кухню, нажал клавишу выключателя. Лампа под потолком в тёмно-зелёном абажуре после непродолжительного треска отдала свет. Здесь охота на меня и закончилась. Я попался в круг света. Затем я подошёл к окну и посмотрел в него, опираясь широко расставленными руками на подоконник. Холод стекла обжёг мой лоб. Тёплое дыхание оставляло россыпь капель.

А там, за тонкой перегородкой, кружил морской снег, покрывая айсберги, качались прожекторы кораблей, колыхались медузы-берёзы. Мимо них всё так же плыли морские черти, шагали осьминоги и бежали девушки-креветки, чаще парами.

Дарья ОРШАНСКАЯ

Сделать выбор

(Глава из романа «Машенька»)

Маша шла по тротуару, стуча каблучками. Было лето, а у Маши было отличное настроение: она наконец-то сдала экзамен и стала настоящей ведьмой.

Внешность у Маши была как у профессиональной ведьмы: черноволосая, зеленоглазая и худая, она была с ног до головы обвешана различными браслетами и кольцами. На шее у неё красовалась подвеска с фэн-шувским изображением равновесия: две обнявшие друг друга капли. Она была небольшого роста – даже на высоких каблуках она казалась ниже большей половины прохожих.

В Содружество ведьм Маша попала абсолютно случайно. Просто однажды она пошла со своим парнем – теперь уже бывшим – на праздник в честь Дня города. По дороге молодые люди поругались, и Маша, разозлившись, отправилась домой. Она шла, не обращая внимания, куда идёт, до тех пор, пока не оказалась в каком-то узком переулочке с обшарпанными домами. Маша, несмотря на то, что родилась в своём родном городе семнадцать лет назад и считала, будто знает свой родной город, как пять пальцев, заблудилась. Она ни разу не была в этом месте.

Тогда было уже довольно поздно. Где-то за домами раздавался грохот фейерверка. А Маша не представляла, как ей выбраться из этого незнакомого места ближе к дому...

Спасла её незнакомая темноволосая женщина. Она сначала как-то странно посмотрела на Машу и сказала, что отведёт её на главную улицу,

если та согласится сначала пойти с незнакомкой. Ей нужно было срочно показать Машу какой-то Наставнице...

Маша сразу же отказалась, заявив, что найдёт дорогу сама. Она повернулась и зашагала по переулочку. Она завернула за угол и... оказалась стоящей лицом к лицу всё с той же женщиной! Ничего не понимая, Маша попятилась, забежала под арку и опять оказалась рядом с незнакомкой! Поняв, что убежать всё равно не удастся, Маша вздохнула и решила довериться удаче, которая, если честно, редко её подводила, как не подвела и в этот раз.

От Наставницы Маша узнала много нового. Например, что настоящая ведьма рождается лишь один раз в десять лет. И что Сила у Маши огромная, и что встречается такая не чаще, чем раз в сто лет. В общем, Маша оказалась природной ведьмой.

Она легко научилась многим несложным фокусам, как-то: заговаривать бородавки, быстро отращивать ногти на руках, незаметно связывать узлом шнурки у ничего не подозревающих мальчишек... Многое она умела, но всё по мелочи. На сильные заклинания у Маши не хватало времени и терпения. Впрочем, Наставница считала все могущественные заклинания опасными и не учила им никого. А Маша подозревала, что Наставница и сама не очень хорошо знает эти заклятия, или не знает вовсе. Поэтому и не обращала на это никакого внимания.

Тот фокус, которым огорошила её темноволосая Жрица в первый день их знакомства, был совсем прост. Назывался он развязкой времени, хотя и имел абсолютно противоположную суть. Время усилиями ведьмы сворачивалось в кольцо, возвращая подвергшегося заклятию человека в один и тот же миг. Этому заклинанию Маша выучилась в первые дни своих занятий с Наставницей.

В Содружестве не было мужчин. Когда Маша спросила об этом Наставницу, та презрительно ответила, что Сила мужчин очень слаба, или её нет совсем. Маша не поверила. И тогда Наставница объяснила ей, что огромная часть мужчин напрочь лишена магии. Маги-мужчины рождаются слишком редко и в большинстве своём вообще не знают о дарованной им Силе. Хотя, поколебавшись, добавила Наставница, бывает, что у мужчин проявляется такая Сила, о которой женщины не имеют понятия. Но такое происходит очень и очень редко. В истории зарегистрирован лишь один такой случай... Мерлин – один из великих магов, но и он владел больше умом, чем Силой... На логичный вопрос Маши, а кто же, если не Мерлин, владел такой огромной Силой, Наставница ответила, что это имя ей ничего не скажет, и продолжила занятия. Но теперь Маша чувствовала ревность... хоть и не знала, к чему. Просто она привыкла думать, что она сильнее всех магов, а теперь оказалось, что кто-то когда-то был могущественнее её... Мысленно обругав себя за свою глупость, Маша почти забыла о рассказе Наставницы.

Теперь она стала ведьмой. Но чтобы официально обрести Силу, ей нужно было пройти ещё какой-то экзамен. Наставница ни словом не

обмолвилась о том, что ждёт Машу впереди, и это было странно. Обычно она всегда рассказывала своей любимице о следующем испытании.

Было лето и было жарко. Маше не хотелось садиться в душную маршрутку. Хотя топтать пешком было далековато, Маше ничего больше не оставалось... Да и прогуляться по улицам родного города, который в последние годы стал красивее и чище, было очень приятно.

Её встречали. Одна из Жриц стояла у двери, прислонившись спиной к косяку. Она выглядела очень уставшей.

– Ну, наконец-то, – воскликнула она хрипло, взглянув на затягивающееся тучами небо. – Обещают грозу с градом. А ты ещё и опаздываешь. Пойдём. Наставница уже заждалась.

В прохладном помещении Храма было полутемно и немного душно. Окна были завешаны тёмной тканью. В большой зале было пусто, только посередине был выложен круг из свеч, горевших ровным пламенем.

– Ну, вот и ты, – ворчливо донеслось откуда-то из-за завесы огня. – А я уже устала ждать.

Наставница поднялась на ноги и шагнула к Маше. Это была сухая и высокая пожилая женщина, в годах, но ещё не старая. У Наставницы не было детей, поэтому Машу она воспринимала как свою приёмную дочь.

– Прости, – выдохнула Маша. – Просто я...

– У тебя сегодня важный экзамен, – хмуро прервала её Наставница. Жрица, поняв её настроение, тотчас же исчезла. – Сегодня тебе нельзя было опаздывать.

Маша опустила взгляд в пол. Когда Наставница злится, нужно молча воспринимать все её слова, какими обидными бы они не были.

Как ни странно, в этот раз Наставница не стала распространяться о Машинной несостоятельности, а, втянув воздух трепещущими, как у гончей, ноздрями, сообщила:

– Тебе сейчас придётся сделать выбор. От которого будет зависеть твоя последующая жизнь.

Маша удивлённо подняла глаза.

– Выбор?

– Тебе придётся узнать, кто ты такая... и зачем пришла в этот мир. И является ли мир, в котором ты находишься, твоим родным. Если на последний вопрос ты получишь утвердительный ответ, твоя жизнь будет такой же, как была до прихода сюда. Если нет – тебя ждёт долгий путь домой из того мира, где ты окажешься. Если, конечно, ты вообще захочешь вернуться сюда...

– Наставница... – растерянно пролепетала Маша.

– Ты должна пройти это. Я в молодости тоже совершала этот обряд. Тогда я попала в... очень далёкие отсюда земли. Я нашла дорогу домой и вернулась! В тот же миг, когда отсюда ушла. Это было непросто. Но я получила звание ведьмы и стала Наставницей. Все те, кто отказались, были с позором выгнаны и лишены официального звания... Я надеюсь, ты не хочешь быть одной из них?

– Но Наставница... – Маша уже начала понимать, какую авантюру затевает её учитель, и начала противиться этому. Однако Наставница не давала ей сказать ни единого слова против, прерывая Машу каждый раз, когда та пыталась открыть рот.

– Ты хочешь лишиться Силы? Хочешь стать как те жалкие колдуньи, что в частных салонах предсказывают судьбу по картам Таро, которые ещё ни разу ничего не сказали правильно? Хочешь гадать по руке, как те нищие цыгане, что побираются по площадям и вокзалам?

– А у меня есть выход? – угрюмо пробормотала Маша.

– Есть. Ты знаешь, – в голосе Наставницы вдруг появились тёплые нотки. – Настоящая ведьма должна пройти это. Она должна знать, где её корни. Выполнив ритуал, она станет лишь сильнее и опытнее.

Маша глубоко вздохнула. Разве не о звании ведьмы она мечтала с того момента, когда узнала, что обладает Силой?

– Что я должна делать? – спросила она.

– Всё просто. Разденься и встань в выложенный свечами круг. После читай Песнь Забвения. Всё ясно?

Спустя пару минут Маша уже стояла в центре зала. Вокруг высился круг из свечей. Маше приходилось не шевелиться, чтобы не задеть ни одну из них. В воздухе запахло миртом и жасмином. Наставница приготовилась читать заклинание.

И тогда Маша воздела руки над головой. Чёрные волосы волной скользнули по обнажённой спине. Маша пела Песнь Забвения – одну из тех, что поют, помогая душе отделиться от тела и отправиться в бесконечный и бессмысленный полёт. За спиной неспешным речитативом говорила что-то Наставница. Сладковатые запахи кружили голову. Мелодия песни заворачивала. И Маша почувствовала, что летит – летит куда-то вдаль, так высоко, как ещё ни разу не улетала она во сне. Ей не было страшно. Только почему-то было безразлично всё, что происходило вокруг неё. А душа пела, взмывая куда-то ввысь под звуки Песни Забвения...

Дмитрий СЕМЕНОВ

Правда о сказочных существах

Над замком Академии магов королевства Азборра светило яркое весеннее солнце, играя бликами на хрустальных куполах башен. По ухоженным узким мощёным улицам столицы королевства бежали чистые ручейки, в которых дети пускали самодельные кораблики. Со стороны королевской гавани раздавался смех хмельных матросов. Но стражники в щедро позолоченных кирасах лениво болтали между собой. Они знали, что матросы знают меру и их вмешательства не потребуется. В королевстве Азборра царил покой и благополучие. Войн и эпидемий не было больше столетия, король отличался гуманностью, а при королевском дворе

больше всего ценилась учёность и благотворительность. На этот счёт у менее благополучных соседних государств было много версий, но в основном они сходились в одном – расцвет королевства совпал с основанием в Азборе Академии Волшебства и Алхимии.

– Монсеньер гильдмайстер Монтий, мое почтение! – худое лицо мага Оалантиса выражало благоговение и почтительность. Тридцатипятилетний маг девятого уровня посвящения расшаркался перед толстым мужчиной с окладистой бородой, который не спеша поднимался по крутой винтовой лестнице наверх башни Магов – Ордена Сил Природы.

– И ты здравствуй, Оалантис! Что-то долго не видел тебя в Академии, всё пишешь свою диссертацию по заклинаниям Стихийных сил или наконец-то женился? – Гильдмайстер Факультета Целительства был в прекрасном расположении духа, его румяное лицо источало добродушие и беспечность, зелёно-белая мантия, расшитая серебряными изображениями растений, была ухоженной и чистой. На руки гильдмайстера было наброшено белоснежное накрахмаленное полотенце – знак Врачевателя и Целителя. Его собеседник, напротив, был болезненно худ, суетлив, глаза его были колючи как морские ежи, так он был озабочен каким-то делом к уважаемому гильдмайстеру.

Пытаясь улыбнуться намного шире предначертанного природой, Оалантис, снова расшаркавшись, попытался поцеловать край полотенца гильдмайстера и, как будто боясь не успеть, быстро протараторил:

– О, монсеньер. Вы так любезны. Я нижайше прошу Вашего участия! Дело не терпит отлагательства! Мне очень нужен грант от Вашей Гильдии в сумме шестьсот пятидесяти серебряных марок. Торговый караван на Зелёные острова отправляется завтра. А мне срочно надо туда попасть для проверки своей теории! – Оалантис пристально всматривался в глаза своего старого учителя, ища в нём понимания и участия.

– Экий ты прыткий Оалантис! Давай лучше зайдём в кабинет. Обсудим твою теорию. Может быть, не стоит тащиться через полмира. В нашей библиотеке есть ответы на все вопросы! – пройдя последний лестничный пролёт гильдмайстер Монтий, отворил дверь в свой кабинет, щелчком пальцев раскрыл витражные жалюзи и жестом пригласил бывшего ученика зайти. Тот подобно метеору вбежал в кабинет, сел на скамью в углу. Затем встал. Затем снова сел.

– Не мельтеши, Оалантис, я этого не люблю! Для начала поясни, почему только шестьсот пятьдесят монет, а скажем не двенадцать тысяч? – старый маг, улыбаясь, поставил на магический зелёный огонь бронзовый кофейник.

– Монсеньер, я не прошу ничего лишнего! С капитаном судна я договорился, что отработаю еду тем, что буду заниматься врачеванием матросов и пассажиров. Но багажные места и каюта, увы, стоят дорого! Но через полгода я надеюсь вернуться с потрясающим открытием, которое многое изменит в нашей магической и медицинской практике!

Да, и ещё. Если даже моя теория окажется ошибочной, я на месте изучу вакцину от яда змеехвостых крыс!

– Оалантис! Какой нам прок от этих заморских тварей? Ты лучше задумайся. На Зелёных островах только один город, и этот город – город рабовладельцев Менуков. А как ты знаешь, Менукам прислуживают...

– Маги-отступники! – закончил Оалантис за гильдмайстера. – Верно, монсеньер! Именно к ним я и еду!

– Ты решил сменить веру? – удивлённо спросил старый маг. Его брови поползли на лысоватый лоб, а нижняя губа наоборот попыталась отпасть от подбородка.

– Конечно, нет! – Оалантис замахал руками так, как будто захотел взлететь. – Я хочу вызнать их тайну, о которой мы раньше и не догадывались! Точнее, я догадываюсь, но мне нужны доказательства!

– Оалантис, ты маг гильдии Врачевания, а не гильдии Слушающих Полночь. Я тебя не понимаю! Ты же не маг-лазутчик! – гильдмайстер недоверчиво покачал головой.

– Хорошо, учитель! Я объясню! – Оалантис окончательно скинул маску почтения и угодливости и превратился в яростного спорщика и экспериментатора, именно в того, кем он был все двенадцать лет обучения, и из-за чего так и не обзавёлся семьёй, частной практикой и достатком.

– Итак, берём фауну Зелёных островов! Первое – змеехвостые крысы! Где они ещё обитают? Да нигде! Второе – гигантские пауко-скорпионы! Где они обитают ещё? Тоже нигде! А ещё есть птицы-серпоклювы, деревья-кровососы и гусеницы-зажигалки! – Оалантис загнул все пальцы на руке по мере перечисления фауны. И теперь размахивал уже кулаком в непосредственной близости от лица Монтия.

– Оалантис, потише! Перевернёшь кофейник! – гильдмайстер нахмурился. Снял кофейник с огня, налил ароматный напиток с запахом корицы и мяты в две плоских пиалы.

– Так вот! Капитан судна, с которым я познакомился неделю назад, привёз мне редкую книгу путешественника Мастеп-Рахода!

– Мастеп – кого? – рассмеялся гильдмайстер, чуть не обжегшись напитком. Увы, История не была его любимым предметом.

– Рахода! Рахода! – не поняв шутки, обрадовано стал пояснять Оалантис. – Так вот, в описаниях его путешествий по Зелёным островам двести пятьдесят лет назад, никаких мною вышеперечисленных тварей там не было и в помине! А что это значит? А то, что все они – сказочные существа! Вернее, магические существа! Двести лет назад изгнанники основали свой культ на островах. Так вот, я считаю вполне доказанным, что всех этих тварей создали они! Проведя хитрые манипуляции, они, наводнили острова жуткими тварями, быстро расчистив себе пространство, ограничили миграцию чужаков, ну и дополнительно создали себе ещё одну линию обороны! Это же очевидно! – Оалантис подхватил предназначенную ему пиалу и одним залпом выпил весь напиток, за что получил неодобрительный взгляд учителя.

– Оалантис! – качая головой произнёс учитель. – Ты же имеешь отличные оценки по трудам основателя нашей гильдии Плутмарка! Он доказал, что магией можно воплотить любых существ, каких подскажет фантазия. Но все они либо вскоре развоплотятся, если маг слаб, либо не смогут оставить после себя потомство! Это факты! А известные нам сказочные существа – русалки, кентавры, грифоны, минотавры и прочие – имеют древнее мистическое происхождение!

– Древние духи-ангелы, воплощаясь в быков, лошадей и рыб, совокуплялись с земными женщинами, и те рождали сказочных зверей и чудовищ! – продолжил за учителя Оалантис. – Да об этом я читал ещё в школе. Но у меня своя теория! Что мы знаем о злых проклятиях, при наложении которых у нормальной женщины рождаются монстры и уроды? – Оалантис сделал многозначительную паузу, наблюдая за удивлением учителя, и продолжил: – Да! Это недостойная чёрная магия. Но она даёт правильный ответ! Магические манипуляции над роженицей могут произвести эффект рождения запрограммированного существа! А какой эффект может дать это знание для развития Магии Природы?.. Упаси меня Создатель делать эксперименты над людьми, но единорогов и грифонов мы сможем разводить как кроликов! А ведь те же змеихвостые крысы прекрасно размножаются сами! И другие, я думаю, тоже. Капитан судна рассказал мне, что одна пара таких тварей завелась на его судне. И к середине рейса из любой кучи мусора торчал уже десяток ядовитых змеиных хвостов! Капитан потерял от укусов дюжину человек, пока они их всех извели. Слава богу, стоило отрубить твари хвост – и она издыхает! – Оалантис закончил свой длинный монолог и вопреки всем правилам приличия взял бронзовый кофейник и стал отхлёбывать уже остывший напиток прямо из горлышка.

Озадаченный рассказом ученика, гильдмайстер Монтий застыл в задумчивости в своём кресле. Он не обращал никакого внимания на вопиющее нарушение учеником правил этикета, накручивал свою бороду на палец и покусывал нижнюю губу. Наконец он отошёл от задумчивости, молча подошёл к сундуку в углу своей комнаты, порылся в нём и магической силой бросил на стол громоздкий тугой кожаный кошель.

– Там двенадцать тысяч золотом, Оалантис. Можешь потратить их всё, но докопайся до истины! А теперь иди домой! У тебя будет длинная дорога, нужно готовиться. Да и мне надо многое обдумать...

Схватив кошель, Оалантис, не прощаясь, выбежал из комнаты, хлопнув дверью.

...Прошло девять долгих месяцев. Никаких вестей от Оалантиса в Академию так и не поступило. Гильдмайстер Монтий, не выдержав неизвестности на шестом месяце отсутствия ученика, даже заказал у астрологов Астрограмму молодого мага. Но, увы, ничего кроме того, что он жив и в его жизни произошёл какой-то значительный перелом, гильдмайстеру узнать не удалось.

Наконец в день солнцестояния из Королевской гавани пришла новость – вернулся корабль с Зелёных островов. Не дослушав посыльного, Монтий поспешил в порт. Корабль только причалил. Команда не спеша спускалась на берег. Матросы, изукрашенные диковинными татуировками, таскали тюки с редкими тканями, жемчугом, сандаловым деревом и пряностями. Расталкивая любопытных жителей столицы, гильдмайстер протиснулся к капитану судна. И без представления и прочих церемоний спросил его:

– Капитан, мой ученик Оалантис прибыл в числе пассажиров? Есть ли от него письма?

Несколько смущённый капитан, поклонившись, ответил:

– Уважаемый маг! Лекарь Оалантис служил на моём судне. Но на третий день стоянки в Ментуке, столице Зелёных островов, он пропал. Он так рвался посетить зверинец местных колдунов, что, боюсь, угодил на обед к какому-нибудь чудищу. Мне очень жаль. Но в молодом возрасте и я бы не удержался от соблазна взглянуть на такие чудеса. Вот глядите, мы привезли оттуда редкую сказочную тварь. То ли рыба, то ли птица, то ли человек. – И капитан указал на палубу, куда матросы выносили большую позолоченную клетку.

Нехорошее предчувствие засвербело в душе старого мага, когда он ближе рассмотрел лежащее на полу клетки «сказочное существо». Голова похожа на кабанью, вместо рук журавлиные крылья, тело по поясу человеческое, вместо ног блистал чешуёй рыбий хвост. Сердце мага забилося с бешеной силой; невзирая на возражения матросов, он подбежал к клетке, протиснул через прутья руки, взялся за кабанью голову, повернул её к себе, пристально взгляделся в глаза заморской твари:

– Оалантис, ты меня слышишь? Ты можешь говорить?

Чудовище зашевелило конечностями, на глазах твари выступили слёзы. Гильдмайстер осуждающе посмотрел на удивлённых матросов и капитана. Покачал головой. На глазах старого мага блеснула влага:

– Да как вы могли? Что ж вы так! Это же заколдованный человек!

Через шесть часов старый маг и двое его помощников вышли из зала Целения и Воплощения. Гильдмайстер Монтий вытер потный лоб и окровавленные руки белоснежным полотенцем. И прошептал, обращаясь скорее к себе самому:

– Кажется, получилось. Говорить он будет. А что делать с остальным, даже не знаю... Ещё ни разу не приходилось. Через пару дней он нам всё расскажет, тогда и решим. Пусть поспит. Операция была сложной.

– Монсеньер! – из зала выбежал удивлённый помощник целителя. – Он Вас зовёт!

Монтий, отбросив прочь полотенце, забежал в зал. «Сказочное существо» сидело на длинной лежанке, поджав под себя рыбий хвост, и пощупывало кабаний нос кончиками крыльев.

– ПГиветствую, моГнсиГньер, – прошепелявило оно, увидев старого мага, и сплюнуло на пол кровь.

– Оалантис, ты должен отдохнуть! Потом всё расскажешь. – Гильдмайстер подбежал к существу и попытался уложить его на подушки.

– Гне стоит откладГывать, – коверкая слова, произнесла тварь, помахав крылом.

– Ты нашёл подтверждение своей теории? Ты выяснил тайну магов-отступников?– спросил гильдмайстер, поддавшись искушению так долго откладываемого общения.

– Гха! Гха! Гха! Нет никаГкой маГгии ЭмбрГионов! – жутко и утробно засмеялся заколдованный ученик. – ЕГсть пГревметивГная и извГращеГная маГгия замеГщения! – «Сказочное существо» закашлялось и сплюнуло под ноги учителю кровавый сгусток, улыбнулось пороссячьим рылом, страшно обнажая клыки, махнуло крыльями и уже без пороссячьего акцента вполне чётко и внятно произнесло: – Теперь где-то по островам ходит свинья с моей рожей, птица с моими руками, а в море завелись двуногие рыбы! Ха! Ха! Разве это не смешно? И у них будут дети, а у меня нет!..

Поднос с хирургическими инструментами со звоном выпал из рук опешившего помощника, заглушая новый приступ жуткого смеха «Сказочного существа».

Юрий СОКОЛОВ

Прогулка по Уивертауну

(Из романа «Степень совершенства»)

Сухой горячий ветер гнал пыль по безлюдным в этот ранний час улицам Уивертауна. Вчера было прохладно, но ночью ветер внезапно изменил направление и принёс на город кхан-пун – злой суховея из Мёртвой Пустыни. Сам кхан – вовсе не ветер, а лишь медленное перемещение раскалённых масс воздуха с континента в сторону моря, но если встать к нему лицом, ощущение такое, будто ты стоишь у открытой топки гигантской печи. Температура всё поднималась, небо приобрело желтовато-серый оттенок, а над еле видимыми теперь в этом дрожащем жарком мареве Чёрными горами висела огромная мрачная туча, изредка озаряемая вспышками молний пока ещё очень далёкой грозы.

Я знал, конечно, какая погода на улице – Полли не преминула сообщить прогноз, но, несмотря на это, не захотел изменять давней привычке совершать утреннюю прогулку. Мозги прочищает, хороший аппетит за завтраком гарантирован, можно привести в порядок мысли, наметить самые необходимые дела на день. Но, самое главное, мне не давал покоя этот чёртов кошмар. Хотя остаток ночи я провёл спокойно и встал вполне бодрым и отдохнувшим, странный сон не шёл из головы, в душе время от времени поднималось непонятное смутное чувство. Поэтому выйдя из своего номера в отеле «Козерог» когда остальные постояльцы ещё даже

глаза продирать не начинали, я взял курс прямо по Крокетт-стрит на восточную окраину города – туда, где плато Уивер огромными ступенями, похожими на лестницу великанов спускалось вниз, к морю.

Помимо пугающего своей реалистичностью сна, у меня сегодня были и более серьёзные поводы для беспокойства.

Шёл уже одиннадцатый день ежегодного конгресса ООЗ¹, а у нас на руках не было ещё ни одного стоящего заказа. Экономический кризис, пятый год терзающий всю Галактику, докатился, наконец, до нашего бизнеса и сразу накрыл его с головой. Даже такая традиционно процветающая отрасль, как старое доброе сафари² и то пострадала, экстрим-туризм³ заглох на треть, что же касается звероловства, то тут дела шли совсем уж плохо, а ведь как раз им мы и занимались – я и мои компаньоны.

Заварила всю эту кашу, конечно, Кэт, она всегда заваривала кашу везде, где бы ни оказалась. Потом к ней примкнул я, и уже вместе мы втащили (именно втащили!) в дело Крейга Риеру – бывшего охотника, нашего общего старого знакомого, который к тому времени только что ушёл на покой и возвращаться в бизнес по доброй воле не хотел. Немного позже к нам присоединился Рик Болди, по кличке Малыш-На-Всё-Плевать, после чего сплочённый коллективчик психов, вздумавших открыть новую звероловную фирму в то время, когда нормальные люди закрывали старые, был готов к действию.

Первые два сезона дела шли нормально, на третий стало потруднее, что же касается этого, то он вообще мог оказаться для нас последним. И не только для нас. Президент ООЗ в своём итоговом отчёте объявил о сокращении общего объёма продаж и оказанных услуг в прошлом году на сорок два процента по сравнению с предыдущим, прибыли падали катастрофически. Самый большой зверь в нашем лесу – «Мортон Групп Компани» была вынуждена уменьшить штат почти на треть, выбросив на улицу четыре тысячи человек, «Хантер» и вовсе приказал долго жить. У более мелких фирм тоже проблем хватало, только в текущем году их закрылось уже более сотни. Уивертаун, в прошлом весьма оживлённый, выглядел так, будто по нему только что прошла чума.

Я миновал Площадь Торжеств и поднялся по крутой каменной лестнице, высеченной прямо в скале, на Утёс Последней Надежды. Когда-то корабль первопроходцев потерпел крушение неподалеку отсюда, почти весь экипаж погиб, а оставшиеся в живых установили здесь радиомаяк,

¹ ООЗ – Общество охотников и звероловов.

² В первоначальном смысле – охота на крупных животных в Африке. Здесь: организация и проведение охотничьих туров на других планетах.

³ Тренировочные либо развлекательные экспедиции по выживанию в экстремальных условиях на неисследованных планетах. Организуются туристическими фирмами и охотниками-профессионалами, или предпринимаются любителями этого вида спорта самостоятельно.

наскоро собранный из разбитого вдребезги бортового передатчика. Одного за другим они хоронили своих, пока, спустя двадцать семь лет в живых не остался только один. Он прожил ещё четыре года на почти абсолютно безжизненной планете, до последнего дня ведя видеодневник, и умер, сидя на этой самой скале, прислонившись спиной к самодельному маяку. Там его и нашли – почти полвека спустя после смерти.

В настоящее время здесь устроили обширную смотровую площадку, с которой в хорошую погоду открывается вид не только на город и Оранжевое море, но и на сотни квадратных километров Мёртвой пустыни с её сверкающими «бриллиантовыми» песками и причудливыми кристаллами каких-то местных минералов – огромных, с многоэтажный дом, сияющих всеми цветами радуги природных образований, для описания форм которых слишком бедна человеческая фантазия.

Посреди площадки возвышался памятник первооткрывателям – тот самый примитивный маяк, одним боком впаянный с помощью вполне современных технологий в стелу из здешнего, похожего на гранит, камня. Подойдя ближе, я положил руку на тёплую, зеркально гладкую поверхность обелиска.

– Мемориал в честь погибших на этой планете космонавтов корабля «Титан», – торжественным голосом произнёс информатор, – входившего в состав Четвёртой экспедиции к галактическому ядру. Потерпел крушение в результате сбоя работы генератора Пи-коридора.

Вот трянуло их, наверное, подумал я, удивительно, что вообще кто-то выжил. Нештатный выход из подпространства равнозначен ситуации, когда из машины, идущей со скоростью двести километров в час, выбрасывают на шоссе коробку с сырыми яйцами. Честно говоря, я мало что понял из пояснений информатора относительно причин, приведших к аварии, улавливая только общий смысл. Люди уже давно не применяют для космических полётов сложный и небезопасный способ создания Пи-коридоров, требующий длительной подготовки и колоссальных затрат энергии. Но я немного помнил школьный курс истории космоплавания – из десяти кораблей Четвёртой экспедиции до цели дошло шесть, а на землю вернулся один. Из Первой экспедиции не вернулся никто...

Я продолжал слушать. «Титан» выпал из коридора в опасной близости от звезды – настолько близко, что должен был упасть на неё через сто десять часов. Три из четырёх разгонных двигателей были разрушены, четвёртый работал едва на половину мощности, так что невозможно было ни толком затормозить, ни набрать хоть сколько-нибудь приличную скорость. Однако, совершив ряд рискованных эволюций с помощью уцелевших вспомогательных (маневровых) движков и умело используя поле тяготения звезды, затягивающей корабль в смертельную гравитационную ловушку, экипажу удалось вначале вывести корабль на орбиту вокруг светила, которое они без всяких затей нарекли Гелиос (понятно, что в такой ситуации не до фантазий), а затем направить его в сторону

единственной в системе планеты – выбирать было не из чего. Началось долгое путешествие в темпе черепахи...

Восемь лет странствия в космосе через два пояса астероидов и аварийная посадка окончательно добила «Титан», и тут несчастливым путешественникам, наконец, повезло – на планете оказалась атмосфера земного типа, и полностью отсутствовали опасные микроорганизмы. Я слушал рассказ информатора и восхищался хладнокровием и целеустремлённостью этих ребят, которые, осознав, что назад им, скорее всего, никогда не вернуться, не пали духом, не сошли с ума, не перерезали друг друга, а приводили в порядок искалеченное оборудование, вели наблюдения окружающей среды, проводили научные исследования, составляли карты континентов. Единственное, чего они не сделали за все годы своего пребывания здесь, – так и не дали имени планете, их приютившей. И ничего не строили, хотя и могли бы. Трансгалактические корабли того времени были по сути, огромными летающими заводами со сложной системой производства и воспроизводства всего, что необходимо для жизни людей. Но вместо того, чтобы построить себе сносное жильё, они предпочитали делать несложные летательные аппараты и облетели вдоль и поперёк всю планету, собрали даже небольшую подводную лодку и опустили в ней на дно океана... А жили в корабле. Несмотря ни на что до последнего надеялись, что слабый сигнал их маяка будет услышан, за ними прилетят... Эта стела была памятником не только космонавтам с «Титана», но целой эпохе в истории освоения космоса. От неё остались десятки разбитых кораблей на планетах с названием и без; десятки других кораблей, затерянных в пространстве, – мёртвых металлических гробов с мёртвыми экипажами внутри, да вот такие мемориалы.

Я убрал руку, и информатор, запрограммированный на касание так же, как и на голосовой приказ, умолк. Дальше история была не столь интересна и трогательна. Планету, которая до сих пор во всех каталогах значилась Безымянной, повторно открыли в 2257 году, в период, когда уже полным ходом шло освоение Галактики. Сначала здесь находилась база Космической разведки, потом – перевалочный лагерь торговцев и контрабандистов (которые, к слову сказать, в те времена мало отличались друг от друга), но по-настоящему прославилась Безымянная как Планета Звероловов – именно так, с большой буквы.

Я отошёл от памятника и, подойдя к кованой решётке с широкими деревянными перилами поверху, широким полукругом ограждающей площадку с востока, стал смотреть на море – неяркого оранжевого цвета, такое же безжизненное, как и суша.

На Безымянной нет жизни – по крайней мере, в обычном понимании этого слова. Помимо безмозглых комочков слизи, плавающих в океане, да массы одноклеточных водорослей, больше ничего – ни животных, ни растений. И всё-таки именно здесь вот уже двадцать третий год подряд

проводится Всегалактический конгресс ООЗ – Великого Общества Славных Охотников.

С первого взгляда этот факт может показаться странным – казалось, звероловы для своих ежегодных съездов могли бы выбрать планету с чуть более разнообразной флорой и фауной, но объясняется всё просто – на самом деле место проведения конгресса никто специально не выбирал. Кто-то первым устроил здесь перевалочный лагерь – Безымянная идеальна как отправной пункт для экспедиций в соседний галактический рукав, не зря ведь её в своё время облюбовала Косморазведка. Кто-то отсиживался, скрываясь от полиции после незаконного отлова – в огромных пещерах под плато Уивер можно без проблем спрятать хоть сотню зоопарков, а пустынная планета – последнее место, где будут искать охотника. К тому же, в период «дикого» освоения космоса для звероловов существовала и куда более серьёзная опасность, чем полиция, – так называемая Лига Защиты Природы, основанная сумасшедшим миллиардером Барни Барретом, финансировавшая хорошо организованные бригады разного рода экологических экстремистов, которые, объединившись под общим лозунгом: «Защитим Галактику от эксплуатации и разграбления», развернули против охотников настоящую войну. Прекрасно вооружённые и абсолютно беспринципные, они не вступали в переговоры и, в отличие от полиции, не брали взятки. Щедрое вознаграждение трудов праведных папашей Барретом привлекло в их ряды немало откровенных головорезов, и нам тоже пришла пора объединяться. Что и было сделано тридцать шесть лет назад легендарным капитаном Уивером, основавшим Независимый Союз Охотников – зародыш будущей ООЗ. Правительство в это время, озабоченное подавлением мощного мятежа в звёздном скоплении Башни, грозившем расколоть надвое всю цивилизацию, почти не вмешивалось в происходящее. «Зелёные» открывали огонь, не задумываясь, звероловы, технически оснащённые ничуть не хуже, не оставались в долгу, и случайные стычки в космосе зачастую перерастали в полномасштабные сражения, в которых участвовали десятки кораблей и сотни людей с той и другой стороны.

Капитан Уивер, незадолго перед этим основавший на Безымянной город, позже названный в его честь, медленно, но верно превращал планету, а заодно и всю систему Гелиос в неприступный бастион. Скупая оружие попеременно то у Федерации, то у мятежников, он создал сложную систему из станций слежения, которые просматривали буквально каждый кубический сантиметр пространства на расстоянии в добрый десяток световых лет и забил всю округу блуждающими минными полями так, что в постоянно изменяющихся лабиринтах между ними вскоре перестали ориентироваться даже сами охотники – пройти здесь можно стало только следуя лучу целеуказателя «проводника» с Безымянной, любой чужой корабль вздумавший прорваться к планете был бы обречён. Обезопасив себя таким образом от «зелёных» (а заодно и от полиции), Уивер на деньги Союза построил первые на планете приличные вольеры для содержания

животных, которых до сего времени каждый зверолов содержал как придётся, и теперь, проведя отлов, охотник мог спокойно отдохнуть, привести в порядок снаряжение для нового похода, не опасаясь ни внезапного налета молодцев из Лиги, ни того, что с таким трудом пойманные звери разбегутся из ненадёжных клеток, как это не раз и не два случалось раньше.

Шли годы, правительство мало-помалу устанавливало контроль над стихийной экспансией человечества, жадно осваивающего Вселенную, укрепляло свою власть в периферийных районах уже обжитого космоса, некоторые из которых хотя и получили автономию, вынуждены были смириться со своим подчинённым, по отношению к Метрополии, положением. Независимый Союз Охотников был преобразован в ООЗ, банды «зелёных» разогнала полиция, а Уивертаун из захудалого городишки превратился в процветающий город с десятками роскошных отелей, самыми большими в Галактике специализированными магазинами охотничьего снаряжения и двумя космодромами. Природные условия земного типа обеспечили быструю колонизацию Безымянной – население составляет в настоящее время шесть с половиной миллионов человек и неуклонно растёт, в основном за счёт притока рабочих, занятых на предприятиях горнорудной отрасли промышленности, которая продолжает стабильно развиваться, наращивая объёмы производства, несмотря на кризис. Сказочные ландшафты и бесконечные пляжи привлекают сотни тысяч туристов, горная страна на севере от Мёртвой пустыни превратилась чуть ли не в Мекку альпинизма, сфера развлечений и торговля процветают. Всё обстояло бы ещё благополучнее, если бы не плохая сейсмическая обстановка на планете: землетрясения в 7–8 баллов и сильнее здесь не редкость, что не добавляет оптимизма ни поселенцам, ни туристам, а также довольно реальная угроза терактов со стороны Лиги Защитников Природы: неизвестно, что хуже – они или стихийные бедствия. Будучи официально запрещена в 2447 году, Лига продолжает существовать подпольно, и имеет немало сторонников во всех слоях общества. Папаша Баррет давно умер, но дело его живёт – никто из тех, чьи интересы пересекаются с интересами Лиги, не могут чувствовать себя в безопасности, масштабы её деятельности существенно сократились, методы же остались прежними. Достаётся всем – и промышленникам (больше, чем другим), и учёным (которым теперь для проверки своих теорий и обкатки новейших изобретений требуются в качестве полигонов уже не отдельные куски суши, а целые планеты и звёздные системы), и даже официальным природоохранным организациям, которые, по мнению деятелей Лиги, действуют недостаточно активно, жёстко и последовательно. Что же касается охотников, то нас они ненавидят просто по традиции, согласно которой мы – исчадия ада, а Уивертаун – средоточие мирового зла. Даже в последние, относительно спокойные годы, было сделано несколько попыток уничтожить город – некоторые почти смехотворные, другие вполне серьёзные. Последний инцидент произошёл три года назад, когда два придурка, проскочив на

прогулочном катере заслоны службы безопасности Общества на орбите Безымянной, пытались сбросить на Уивертаун ядерную бомбу, похищенную ими в Музее Военной Истории.

После подобных людоедских выпадов акции активистов движения «Живой Космос», например, кажутся до смешного безобидными и даже забавными. Мне лично особенно понравилась их прошлогодняя выходка на открытии конгресса ООЗ – в самый разгар церемонии небеса вдруг развёрзлись и огромный, весьма грозного вида Зевс Олимпийский (голограмма, конечно), принялся метать виртуальные молнии прямо в Площадь Торжеств, изрыгая громовые проклятия в адрес всех присутствующих.

Спустившись с Утёса Последней Надежды, я не торопясь отправился в обратный путь, избрав на этот раз маршрут через Центральный парк – ещё одну достопримечательность Уивертауна. В своё время было немало споров о том, как он должен выглядеть, – охотники, забиравшиеся в погоне за добычей в такие места, где не бывали ещё даже поисковики из Космической Разведки, могли без труда доставить на Безымянную любые растения с любой планеты. Отцы города столкнулись с вполне понятным затруднением – при столь широких возможностях нелегко сделать окончательный выбор. Года через три стало ясно, что если не принять решительных мер, то неприглядный пустырь посреди города так навсегда пустырьём и останется. Поэтому меры приняли – благоустройство парка поручили сразу нескольким группам ландшафтных архитекторов, а те, не мудрствуя лукаво, взяли отовсюду всего понемногу, в результате чего получился пейзаж, который мог возникнуть разве что в большой голове сумасшедшего ботаника-наркомана. Посреди этого растительного кошмара, расчерченного аккуратными полосами пешеходных дорожек, водрузили несколько разбросанных в живописном беспорядке скал с искусственными водопадами и на этом завершили проект.

Я не собирался здесь задерживаться, прогулка и так затянулась; поэтому, пройдя по главной аллее метров триста, свернул налево и вскоре снова оказался на Крокетт-стрит. Прошло уже больше часа, как я вышел из отеля; Гелиос стоял в небе достаточно высоко, и чем выше он поднимался, тем невыносимей становилась духота. Мокрая от пота рубашка прилипла к спине, а кровь, кажется, дошла до точки кипения. Я решил, что достаточно размял ноги, и, дабы не умереть в следующие несколько минут от теплового удара, завернул в ближайший бар – там, по крайней мере, были кондиционеры и холодное пиво.

Сатанаил

(Глава из романа «Солнца трёх миров»)

Горючего в заправщике оставалось на дне цистерны, однако и цель нашего путешествия была уже рядом. И вот вдалеке мы увидели хоул – еле заметное пятнышко на самом горизонте, темнеющее в лучах заката.

– Завтра к обеду доедем, – определил Лысый, сверившись с картой.

– Хоть бы в хорошее место попасть, – пожелала вслух Машка.

– Хоть бы уже в любое, – сказала Даша. – Надоела пустыня.

Наутро была моя очередь ехать на втором квадроцикле и прикрывать Ингу. Мы сделали километров десять, когда я заметил впереди нечто настолько хорошо знакомое, что на меня накатила ностальгия. Я крикнул Инге, мы остановились и дождались колонну. Наши попрыгали из кабин с воплями восторга, хотя его объект того не стоил. Впереди, нарушая гармонию скудной рорбестийской флоры, нагло разросся куст жгучей колючки. Дальше виднелся ещё один. И ещё...

– Ну надо же! – воскликнула Даша. – И здесь она!

– Вот и отлично, – сказала Машка, деловито снимая с креплений грузовика лопату. – Консервы задолбали – хоть клубней накопаем. Бери-ка топор, Лысый!

– Момент! – радостно откликнулся Лысый. – А ну, Серёга, хватай второй топор!

За минуту мы с ним снесли куст под корень, и даже ожоги и царапины не смогли испортить нам настроение. Даша развела костёр. Накопав клубней, тут же их испекли – они оказались ничуть не хуже, чем на Гилее. Мартышка от нас не отставала – едва удалось убедить её подождать, пока выделенная ей порция остынет.

– Мы слишком близко к хоулу, – сказал я, когда всё оказалось съедено. – И колючка здесь не случайно. Скоро узнаем, с какой планеты она родом.

– В запас, значит, клубни можно не копать, – сделала вывод Машка.

– Враг бы мой её копал в запас, – сказал Лысый. – В охотку ещё ладно, или как на Гилее, когда мы там с голоду помирали, но чтоб в запас? Я лучше буду есть консервы. И пусть они задолбают меня окончательно.

Отдохнув после еды с полчаса, мы с Ингой снова завели квадроциклы. Позади взревела двигателями колонна. Однако едва тронувшись, Инга тормознула настолько резко, что чуть не перелетела через руль. Прямо перед её квадроциклом словно из воздуха материализовался человек – он был бородат, необычайно худ, а ещё лохмат, грязен и оборван до последней степени.

– Сатанаил! – заорал он хриплым голосом, воздев руки к небу.

Я не придумал ничего лучше, как пальнуть ему под ноги, – просто для того, чтоб вёл себя прилично. На бородатого это никакого впечатления не произвело. Или он не понимал, что такое винтовка, или ему было всё равно.

– Сатанаил! – выкрикнул он опять, приплясывая на месте и тыча то одной, то другой рукой в сторону хоула. – Аузу биллахи мина шайтанир раджим!..

– Не стреляй больше, – сказала мне Инга. – Он сумасшедший, – но безобидный сумасшедший.

Бородатый забегал кругами, то и дело приседая, а потом подпрыгивая высоко вверх, показывал на хоул, кричал «Сатанаил» и ещё что-то.

– Он читает «Отче наш» на латыни, – сказал подошедший к моему квадроциклу Эпштейн. – И ещё какие-то молитвы на иврите, арабском и греческом.

– Сатанаил – это, как понимаю, просто сатана? – спросил Лысый, тоже подходя ближе и вставая рядом с Эпштейном. – Серьёзные, видно, были у чувака проблемы с нечистой силой, раз одной религии ему не хватило.

– Давайте его поймаем, – предложила Даша.

– Зачем? – спросил я.

– Хоть покормим. Смотри, какой тощий.

– Вряд ли он нуждается в помощи. Чтоб так обрасти, не один год нужно. Жил же он как-то. И неплохо питался, если может так скакать. И зачем его пугать поимкой? Лучше здесь ему оставить из наших запасов то, что можно легко вскрыть.

Так мы и сделали – сложили в стороне пирамидку из брикетов в фольге, добавив к этому фляжку с водой. Поди разберётся, как пользоваться, находит же он воду себе на питьё. Бородатый прекратил скакать, остановился и уставился на нас, наклонив голову к левому плечу и бессмысленно ухмыляясь. Под слоем грязи невозможно было разобрать, какой он национальности и даже расы. Когда колонна тронулась, он забегал вокруг машин, приседая и пытаясь ухватиться за колёса, указывал на хоул и кричал, но что – за шумом двигателей уже невозможно было разобрать.

Хоул медленно рос в размерах, и когда мы подъехали ближе, заметили, что он вроде как дымится. Остановив машины в полукилометре от него и вылезав из кабин, долго стояли, не решаясь сделать ни шагу.

– Чего ждём? – спросил Лысый. – Вдруг там Земля?

– Ага, раскатал губень, – ответила Машка. – А колючка – она тоже с Земли?

– Да пока мы на чужбине шляемся, дома что угодно могло вырасти.

– Не смешно, – сказала Даша.

– Совсем, – поддержал её я.

– Там что угодно, но только не Земля, – сказала Инга. – Непосредственной опасности сразу за хоулом, кажется, нет, но нам лучше вести себя очень, очень осторожно.

– Тогда берём с собой только оружие, – сказал я. – Давайте сделаем первый заход налегке.

Маргышка на руках у Даши беспокойно завозилась, по-старушечьи заохала и жалобно заскулила. От хоула ощутимо веяло угрозой – и не требовалось способностей либеров, чтобы почувствовать это.

На подступах к переходу в другой мир валялись вырванные с корнем кусты жгучей колючки и деревья – такие же чёрные, кривые и шипастые. Среди них белел чей-то неправдоподобно громадный скелет. Ближе к хоулу рыжий рорбестийский песок был густо заляпан засохшим илом, кое-где покрывавшим пустыню сплошной коркой. Целый час мы виляли из стороны в сторону, обходя завалы из колючих веток и переломанных

древесных стволов. Со стороны хоула тянуло сероводородом и ещё чем-то столь же неприятным.

– Я схожу в разведку, – сказала Инга, останавливаясь метрах в шестидесяти от туманного купола. – Вы ждите здесь. Если не вернусь через два часа, уходите отсюда.

– Ерунду ты говоришь, – сказал Лысый. – Знаешь же, что без тебя не уйдём. Вдруг ты там ногу сломала, или просто споткнулась, ударилась головой и лежишь без сознания... Всё равно пойдём проверять. Так лучше сразу идти всем вместе, как в прошлый раз.

– Как хотите, – ответила Инга.

Разбившись на пары, мы приготовились к переходу. Однако этот хоул был меньше того, что привёл нас с Гилеи на Рорбести, и пришлось идти поодиночке.

Новый мир встретил нас синевато-серым сумраком и горячей влажной духотой. Запах сероводорода усилился, словно вся округа подверглась бомбардировке тухлыми яйцами. В тёмном небе бродили разноцветные сполохи, отдалённо похожие на северное сияние. Прямо перед нами, как предостережение от необдуманных шагов, лежал рогатый череп размером с двухэтажный коттедж.

– Эта черепушка – явно от скелета на той стороне, – сказала Даша. – Существо было здесь как раз в момент рождения хоула – и его разорвало на две части.

– Ну и чёрт с ним, – ответил я. – Нас должны заботить только те существа, которых не разорвало.

– Уходим на километр от хоула и встаём на привал, – предложил Лысый, но тут же засомневался: – Или что – вернемся на Рорбести и подождём, пока здесь рассветёт?

– А если это полярная ночь? Нет, давайте сразу осматриваться. Тем более что не так уж и темно.

Пробравшись сквозь валежник вокруг хоула, мы вышли на берег грязевого озера, то и дело стреляющего фонтанами гейзеров. На другом берегу кустились тридцатиметровые заросли чего-то, не поддающегося описанию. Слева стоял лес, и мы свернули в него. Голые, без листьев, деревья росли на растрескавшейся глине и камнях, по-видимому, ничуть не нуждаясь в почве. С ветвей свисало что-то похожее на лишайники. Кое-где пространство между стволами сплошь заплетала паутина с нитями толщиной в палец, и мы обходили эти места подалее, не желая с ходу знакомиться с пауками, которые могли такое сплести.

Через несколько сот метров лес кончился, и мы оказались на краю крутого склона, поросшего жгучей колючкой. Внизу высились колоссальные каменные столбы с коридорами-ущельями между ними, из которых поднимался пар, а может, дым. Далеко справа истекал потоками лавы вулкан и оттуда доносился глухой рокот. Слева всё закрывали горы невообразимой высоты, чёрные и безжизненные. Вершины самых больших пиков терялись

в тёмном бликующем небе, словно протыкая его насквозь, уходя то ли в космос, то ли в небытие.

– Ну и мирок, – покачала головой Машка. – Правильно говорил тот убогий – Сатанаил.

– Так и назовём, – одобрил Лысый.

– Главное – выбраться отсюда живыми и рассказать хоть кому-нибудь, что мы его так назвали, – сказал я.

– Здесь жить нельзя! – решительно заявила Даша, покрепче прижимая к себе Мартышку. – Как хотите, но здесь нельзя жить – мы ни за что не доберёмся по этой планете до следующего хоула!

– Мне кажется, это не совсем планета, – тихо сказала Инга.

– Что значит – «не совсем»? – поинтересовался Эпштейн. – А что это?

– Не знаю, Боря... Но у меня чувство, что Юпитер по сравнению с ней – так, мелкий астероид.

– Сила тяжести здесь нормальная.

– Да, мы все это заметили.

– А не могла бы ты чуть подробнее?..

– Не время, Борь. Давай потом.

По склону вниз медленно ползла бесформенная масса – стенающая, вздыхающая, то и дело вздувающаяся буграми. Впереди она пятиметровым валом накатывала на заросли жгучей колночки, а позади неё от неприступных кустов оставались лишь редкие жалкие бодылья. Сполохи в небе над нами на мгновение закрыла крылатая тень. От неожиданности мы присели, а тварь размером с авиалайнер метнулась вниз, разевавая крокодилью пасть, вырвала из пожирателя колночки здоровый кусок и тут же взмыла вверх. Пожиратель взревел и стрельнул вслед струей густой жижи. Тварь оглушительно заклекотала, потеряла добытый кусок, закувыркалась, часто махая прожжённым крылом, выправилась и полетела прочь. Кусок шлёпнулся на кусты колночки, повисел на них и вдруг зашевелился, подмял их под себя и пополз по склону. Отдельно от родительского тела и подальше от него.

– Пресвятая матушка-богородица! – не очень набожно, однако искренне прошептала Машка.

Мы осторожненько встали и отступили от склона под деревья. По всем канонам здравого смысла нам следовало немедленно возвращаться на Рорбести, но мы не могли оторваться от созерцания этого сумрачного мира, который жил своей непонятной, и одновременно понятной жизнью перед нами и вокруг нас. Позади в лесу что-то потрескивало, шуршало и попискивало. С гор доносился грозный шум камнепадов. Огненные потоки стекали по склонам вулкана в лавовые озёра у его подножия. Переливались всеми цветами сполохи в небе – они появлялись, таяли и снова появлялись, то расступаясь в стороны, то сливаясь друг с другом в медленном и беспорядочном холодном танце.

– Это не полярная ночь, – пробормотала Инга. – Здесь так всегда.

Внизу, по ущельям меж каменных столбов метались быстрые хищные тени, но кто на кого охотился – сверху было не разобрать. И ещё что-то двигалось там – огромное, как эти столбы, только живое. Оно шло от вулкана к горам, сквозь облака пара и дыма, и от его шагов дрожала земля. Плечи существа возвышались над скалами; оно было всё в костяной броне, в шипах, в каких-то гребнях; и вот оно повернуло голову в нашу сторону...

Не выдержав зрелища, мы разом повернулись и бросились в лес, остановившись только у озера. Лишь благодаря удаче никто из нас не вляпался в паутину между деревьями. Лёгкие горели, воздуха не хватало. Но тут у противоположного берега из кипящей грязи показалась чья-то горбатая спина, а из береговых зарослей высунулась длинная многосуставчатая лапа и вкогтилась в эту спину. Озеро заволновалось, повсюду над его поверхностью промеж гейзерных струй взметнулись гигантские щупальца. Одно нависло прямо над нами, и мы увидели на нём вместо присосок открытые пасти.

– К хоулу!.. – заорал что было мочи Лысый.

Подгонять никого не пришлось. Откуда только взялись силы и второе дыхание! Вслед нам нёсся многоголосый вой. Проскочив зону валежника на Сатанаиле и такую же зону на Рорбести, мы рухнули на родимый рыжий песок совершенно задохнувшиеся, но с таким чувством, словно попали домой. Мартышка, спрыгнувшая с рук Даши ещё у озера, хотела драпать дальше, к машинам, но всё же остановилась и нерешительно вернулась к нам.

– Я люблю пустыню! – призналась Даша, подползая ко мне. – А летающих скатов так просто обожаю.

– Ага, – ответил я. – Я тоже.

Константин ШАБАЛДИН

Илион не был разрушен

Посвящается Шарик

– Мы, псы, не подведём, – заверил Нэтэниел.

Клиффорд Саймак. Город.

Ректор института релятивистики и хронопластики Бальтазар Грант откашлялся, сделал глоток воды из тяжёлого хрустального стакана и с высоты кафедры главного конференц-зала окинул взглядом обширную аудиторию. Человек солидный, уважаемый он любил держать многозначительные паузы.

– И, наконец, заканчивая свой ежегодный доклад, я собираюсь официально объявить о благополучном завершении многолетних трудов исследовательской группы нашей очаровательной Виннифред Николсон с кафедры экспериментальной реальности, – сказал Грант.

Аудитория заинтересованно зашумела. Все знали, что только на кафедре Николсон разрешались практические перемещения по времени, остальным

приходилось обходиться виртуальными наблюдениями. Детальный расчёт вероятностей, создаваемых дрейфом континуума, слишком надолго выводил из строя Большого Билла – институтский гиперкомп. Каждый раз после работы с «экспериментальниками» Большой Билл страдал депрессией, начинал сочинять лирические стихи и впадал в солипсизм. Бухгалтерия билась в истерику. Стихи, впрочем, после выпускали отдельными сборниками.

– Как многие знают, темой доктора Николсон была история Троянской войны вообще и соответствие «Илиады» реальным событиям в частности. Так вот.

Ректор снова выдержал паузу и небрежно заявил:

– Никакой Троянской войны не было, Илион не был разрушен.

В конференц-зале разразилась буря. Режиссёр трансляции понизил чувствительность микрофонов. Томас Вебстейн устало прикрыл глаза. Призывая к тишине, Бальтазар Грант поднял руку.

– Это совершенно точно доказано, – сказал он. – Ахейцы никогда не разоряли город, он долгое время являлся политическим, экономическим и культурным центром Малой Азии и погиб в результате извержения вулкана. А бедолага Шлиман и вовсе копался в другом месте.

– Так он кричал, возносясь, но героя стрела не смирила, – прошептал себе под нос Томас Вебстейн. Ему хотелось убить ректора, но в Мире Саймака уже двести лет не случалось убийств.

– Более того, – продолжал Грант, – мы нашли вилку реальности, при которой Троянская война состоялась бы, и Илион вполне мог бы быть разрушен. Но об этом лучше расскажет доктор Николсон. Мисс Николсон, прошу вас, в двух словах!

К кафедре вышла миловидная блондинка в строгом костюме. Она укоризненно взглянула на ректора и сказала:

– Мистер Грант несколько преувеличивает наши заслуги. Основную работу сделали псы, без их точнейших расчётов мы бы ещё долго мотались по времени. Что касается вилки реальности, то все желающие скоро смогут увидеть запись сцены выяснения отношений между царём Итаки, ставшим прообразом Одиссея, и мобилизационной командой. Он категорически отказался принять участие в походе, ему действительно надо было пахать землю и сеять ячмень, чтобы прокормить семью. Таким образом, он создал прецедент, которым охотно воспользовались и прочие «герои» несостоявшейся оккупации.

Раздались аплодисменты. Томас Вебстейн, биолог-эволюционист, с трудом удерживая на лице вежливую улыбку, также похлопал в ладоши. Он сидел в первом ряду, прямо перед телекамерой направленной в зал. «Чтоб у тебя сиськи отсохли», – подумал Томас, разглядывая безупречную фигуру Виннифред.

– Так что Гомер оказался изрядным врунишкой! – смеясь, сказал ректор, и возмущённые выкрики представителей кафедры истории литературы потонули во всеобщем хохоте.

– Вздор. Жлоб. Рак, – хрипло произнёс Дружок.

Дружок принадлежал к третьему поколению разумных псов и мог не только понимать человеческую речь, но и сам произносил несложные фонемы. Он прекрасно знал, как паршиво сейчас Томасу.

– Не ругайся, приятель, – сказал Томас Вебстейн и погладил пса по спине. – Старина Грант всего лишь делает свою работу. Ему необходимо румор публикус.

Он встал и, пользуясь неразберихой, незаметно прошёл в банкетный зал. Дружок последовал за хозяином, старательно ушами, хвостом и даже кончиками когтей выражая презрение дубине ректору и выскочке Николсон. А Томас уверенно направился к столу с выпивкой. Сегодня ему предстояло ловить сочувствующие взгляды, а значит, он должен быть пьян, жалок и растерян.

Все знали о его фанатичной любви к Гомеру. А он знал, что ему будут говорить, желая утешить. Ему скажут: «Брось, старик, – звенящий медью гексаметр Гомера не стал в одночасье хуже лишь потому, что хитросделанный царь-хлебопашец когда-то нашёл повод откосить от военного похода». Ему скажут, что влияние «Илиады» на мировую литературу, на всю европейскую культуру уже свершившийся факт и реальная подоплёка событий интересна лишь узкой группе специалистов. Ему скажут – да пошла она, эта Николсон! И он будет вежливо улыбаться, терпеть похлопывания по плечу и пожимать руки. Но уже никуда не денется вдруг возникшая пустота в сердце, как в детстве, когда старший брат сказал, что Санту придумали взрослые, а кошка Фло околела от старости, а не призвана ловить мышей на фотонный планетолёт «Хиус».

– Знаешь, Дружок, что самое главное сегодня? – спросил Томас у пса.

– Жрать! – сказал пёс и стянул со стола канapé с ветчиной.

– Это мысль, – согласился Томас и выпил. – Но не менее важно, удержаться от эффектных жестов. Прошу тебя как друга – если я соберусь сжигать на университетской лужайке мою коллекцию изданий Гомера, прокуси мне ляжку.

Томас Вебстейн отвлёкся на подошедшую к столу Виннифред Николсон, а Дружок замер, поражённый внезапной мыслью. Его осенило, как легко можно всё исправить. И будь что будет.

– Рок, – коротко рыкнул Дружок себе в усы и глаза его грозно полыхнули в полумраке банкетного зала.

– С этим Илионом не всё так просто. Слишком много вероятностных линий там навёрчено, – говорила тем временем Николсон. Она была смущена и от этого чувствовала себя неловко.

– Оставьте, Винни, – махнул рукой Томас Вебстейн. – Вам не в чем оправдываться. Ваша группа прекрасно справилась со своей работой.

– И всё же я считаю исследование не законченным, – упрямо продолжила Виннифред Николсон. – Ректор ухватился за сенсацию, а у меня вызывают беспокойство вероятности сдвига реальности относительно нашего времени.

Они есть, Томас! Неразрушенный в своё время Илион как-то влияет на Мир Саймака.

Она замолчала. Оркестр играл «My Melancholy Baby». В углу ректор Грант отбивался от телевизионщиков.

– Всё это очень странно, Винни, – сказал Томас. – Ценой невероятного напряжения человечество построило общество, которое мы условно называем Мир Саймака. Скажите мне честно и непредвзято. Ответьте мне, как учёный, как женщина, как друг – зачем?

– То есть? – очень удивилась доктор Николсон. – Это же очевидно. Чтобы в мире не осталось места несправедливости, чтобы все были счастливы.

– Вот! – Томас брякнул на стол бокал с коктейлем. – Отчего же я так несчастен сейчас в нашем счастливом мире, Виннифред?

– Господи, Том! – голос Николсон задрожал. – Между прочим, я люблю Гомера не меньше вашего! Что вы хотите? Чтобы я фальсифицировала результаты?

– Об этом не может быть и речи, – сказал Томас Вебстейн. – Истина превыше всего. Тем более научная истина. Поэтому пойдёмте танцевать.

И они танцевали, и что-то пили, а после целовались за портьерой, и там их обнаружил ректор Бальтазар Грант, и от него никак было не отделаться. И ещё была безобразная неумелая драка интеллигентнейших представителей кафедры истории литературы с «экспериментальниками», в результате которой избитой и весьма сильно почему-то оказалась телевизионная группа университетского канала. И во всей этой пьяной суеде куда-то испарилась Виннифред, и Томас понял, что ему уже хватит на сегодня.

Он брёл домой в сопровождении верного пса, пиная перед собой жестянку из-под пива. Дружок был уверен, что Томас Вебстейн горюет о неразрушенном Илионе и несостоявшейся Троянской войне, но Томас Вебстейн размышлял о Мире Саймака. Создание новой общественной формации обошлось человечеству в две гражданские и одну религиозную войны, затрачены огромные усилия, финансы, генетические ресурсы, но стоило ли оно того?

Правильно ли было избрать целью идеалы одного, пусть даже гениального человека? И так ли уж гениального? Да, он был великим философом, которому посчастливилось сформулировать постулаты действительно гуманного общества, но и он не был застрахован от ошибок.

– Нет, не в породе моей, чтобы вспять отступать из сражений или, робея, скрываться: крепка у меня ещё сила! – сказал Томас Вебстейн, с трудом попадая ключом в замочную скважину. – Вот мы и дома, Дружок, вот мы и дома.

Он прошёл в кабинет. Перед сном надлежало выполнить их с Дружком ежевечерний ритуал Кормления Умных Псов.

Томас боролся с лишним весом и каждое утро, когда экономка подавала ему чашку кофе с бутербродом, он прятал бутерброд в стол. Так получалось, что он всегда держал бутерброд с колбасой в правом верхнем

ящике письменного стола. А вечером Томас скармливал колбаску любимому псу, и не было для Дружка слаще лакомства на свете.

Любуясь, как Дружок расправляется с бутербродом, Томас Вебстейн думал о псах.

У псов интеллект подростка. Они категоричны в суждениях и очень инфантильны в социальной адаптации. У них доминируют инстинкты, они порывисты и импульсивны. Но всё это с лихвой компенсируется их успехами в программировании. Никто не превзошёл их в составлении расчётов точек перехода по пространственно-временному континууму. К ним в очередь записываются с других факультетов.

«И ведь это только третье поколение геномодифицированных особей, – размышлял, засыпая, Томас Вебстейн. – Если дальше пойдёт такими темпами, они нам ещё покажут».

Оставив Томаса Вебстейна в объятиях Морфея, Дружок нёсся в ночи к корпусу практической хронопластики. Процокав когтями по асфальтовой дорожке, он пересёк институтскую лужайку, в который раз поразившись невероятной упругости газона. Пользуясь случаем, пометил пару деревьев и уже не спеша вошёл в здание.

На входе традиционно дежурили первокурсники. Их называли «вахтёры», хотя никто уже не помнил точного значения этого слова. Точно так же никто толком не понимал, зачем нужны эти дежурства, но попасть в число «вахтёров» считалось необычайно почётным.

– Привет, Дружок! – радостно воскликнул один из первокурсников. – Решил с Большим Биллом поработать?

Дружок неопределённо рыкнул и яростно почесал себе брюхо. Врать разумные псы не умели совершенно. Это сильно осложняло им жизнь.

– Правильно! – продолжал первокурсник. – Днём к гиперкомпью не пробиться.

– Ну, – с облегчением согласился Дружок.

Это было правдой. Часы работы с Большим Биллом строго регламентировались ректоратом, и даже бухгалтерии приходилось записываться в очередь.

– Дружочек, – заискивающе сказал первокурсник. – Ты мне с вычислениями по релятивистике не поможешь? Тебе на полчаса работы, а я в долгу не останусь. Забегай к нам в общежитие, тушёнки покушаем.

– Ишь ты, – укоризненно сказал Дружок. – Мзда. Стыд. Срам. Фиг!

Первокурсник покраснел, а Дружок, виляя хвостом, гордо прошествовал в лабораторию релятивистики. Он уселся на коврик перед вычислителем и придвинул к себе лапой специально для псов адаптированную клавиатуру. Загрузить программу перехода было делом одной минуты, в памяти машины ещё сохранились координаты последнего смещения по времени Виннифред Николсон.

– Ты что задумал, блохастый? – спросил Большой Билл.

Разумеется, любая компьютерная активность не оставалась незамеченной для институтского гиперкомпа. Дружок молчал.

– Дружок, зачем тебе траектории перехода по континууму «экспериментальников»? – в механическом голосе Большого Билла казалось, прозвучала тревога.

Продолжая молчать, Дружок разглядывал на экране трассы вероятностей от Илиона к нашему времени. Как и говорила Николсон, их было необычайно много, но ни одна не обрывалась в будущем. Это означало, что минимальное вмешательство в реальность не приведёт к свёртке континуума. В чём собственно, Дружок и хотел убедиться. Он активировал создание темпорально-изоляционного поля – «пузыря», как называли его на своём жаргоне «экспериментальники». По калибровочному стенду разлилась холодная плазма. Пёс вскочил на стенд. Вокруг него начала формироваться, потрескивая разрядами, фиолетовая сфера. Шерсть встала дыбом и кожу ощутило покалывало. На кончиках усов засветились огни святого Эльма.

– Назад, балбес! Не смей!! – надрывался в колонках Большой Билл, но было поздно: сработала автоматика, и пёс начал смещаться по времени и пространству.

Дружок понимал, что теперь его непременно накажут – например, запретят гулять на институтской лужайке. Но уж точно не сократят количество часов работы с Большим Биллом. На такое варварство не способен даже Бальтазар Грант, этот неандерталец!

«Пузырь» начал приобретать прозрачность, это означало, что Дружок прибыл на место. Он выскочил за пределы темпорально-изоляционного поля, и Древняя Греция встретила его вонью гнилых водорослей и тухлой рыбы. Так же ощутило тянуло навозом, а звук прибоя перекрывали гортанные мужские голоса. Совсем рядом несколько человек громко ругались на древнегреческом, то и дело слышалось: «Κακός ἄνθρωπος!».

Пёс высунул морду из кустов и увидел стоящих кружком бородатых и смуглых мужчин крепкого телосложения. Они отчаянно пререкались, размахивая руками. Кто из них Паламед, Менелай или Агамемнон было совершенно не понятно. А вот царь Итаки сразу обратил на себя внимание тем, что в отличие от гостей был одет не в тунику, а в небрежно наброшенную на плечо леопардовую шкуру. «Это у них так, видать, по-домашнему принято», – смекнул Дружок.

Одиссей помахал кулаком перед лицом ближайшего собеседника и громко крикнул:

– Σκύλλος!

После чего развернулся и, вспахивая прибрежный песок сильными ногами, пошёл прочь. «Ага!» – подумал Дружок.

Он стремительно выскочил из кустов, метнулся наперерез Одиссею и сходу тыпнул его за голень, повыше сандалии. Одиссей завопил, схватившись за укус, а в Дружка полетели камни. Он опрометью улепётывал в кусты, слыша позади:

– Κύων! Κακός κύων!!

Всё прошло наилучшим образом, как и задумывал Дружок – с прокушенной ногой этот громила уже не сможет отдаться милым его сердцу сельхозработам, а семье кушать надо. Значит, надо двигать в поход, немножко пограбить. А нога в дороге как раз и заживёт. Дружок был очень доволен собой.

По сильному запаху озона он нашёл невидимую для внешнего наблюдателя сферу «пузыря» и заскочил внутрь. Теперь Илион будет разрушен.

Первое, что увидел Дружок в нашем времени, были Виннифред Николсон и давешний первокурсник. Фигуру доктора Николсон сексуально облегла камуфляжная форма военного образца, а у «вахтёра» на плече почему-то висела армейская магазинная винтовка.

– Вот он, нарисовался, – угрюмо сказала Виннифред, копясь в темпоральном вычислителе.

– Мисс Николсон, хотите, я его пристрелю? – спросил «вахтёр».

– Нельзя, – ответила Николсон. – Это собственность Томаса Вебстейна с кафедры биологии.

– Хороший модификант – мёртвый модификант! – пролаял механическим голосом Большой Билл.

«Просто они сошли с ума», – решил Дружок и протопал к выходу.

На улице он с ужасом увидел, что институтская лужайка распахана гусеницами огромного танка, который под маскировочной сеткой стоял тут же, возле главного корпуса. Дружок подумал, что он сам сходит с ума, когда в глаза ему бросился баннер: «Граждане Свободного Мира! Вступайте в ряды истребителей модификантов. Помните: незарегистрированный мутант – угроза безопасности!» И ещё – «Комендантский час с 00.00 до 07.00. Огонь на поражение – не говорите, что не знали». И ещё – «Срочно требуются контрактники на Юпитер. Высокий оклад. Каждый способный стрелять – годеи!»

«Вот так трассы вероятностей, – думал Дружок, мчась к дому Томаса Вебстейна. – Вот так дрейф реальности. Надо же, как нехорошо получилось».

Войдя в кабинет Томаса, пёс увидел, что хозяин занят беседой по видеофону. Слышался голос ректора Гранта:

– Твой вонючий пёс ночью проник в лабораторию релятивистики и совершил несанкционированное практическое перемещение по времени. Мне плевать, где он был и что он там делал, пусть с этим Николсон разбирается. Но утечка энергии в таком масштабе, это скандал, это не скроешь. Это влетит нам в большие деньги, Вебстейн!

Дружок начал пятиться к выходу, но было поздно, его заметили:

– Где ты шлялся, блошиное отродье?! – заорал Томас Вебстейн.

– Гав, – только и смог произнести ошарашенный Дружок.

И тогда Томас Вебстейн совершил невероятное – он схватил со стола тяжёлую латунную пепельницу и запустил её в Дружка.

С визгом и рыком, путаясь лапами в половике, пёс вылетел из дома. Поджав хвост, Дружок прокрался в сад и залёг под терновым кустом. Ему

надо было всё обдумать. Что же произошло? Троянская война произошла, вот что! Илион был разрушен, такого города больше нет в прошлом. Города, который видимо, стал в своё время источником неких культурных течений, послуживших основой для философии человеколюбия, филантропии и альтруизма. И это привело к росту агрессии, идеалы гуманизма не были реализованы, Мир Саймака не случился. Возможно, и сам он не стал выдающимся философом, а был всего лишь, например, выдающимся беллетристом. Недолго думая, с присущей псам логикой, Шарик решил – компенсировать неразрушенный Илион необходимо разрушением центров древней агрессии, столиц античных империй.

Что ж, ему будет, чем заняться в ближайшее время. Придётся как-то устроить крах древнего Рима, Вавилона и Карфагена, Афин и Константинополя. Вот задача достойная разумного существа. Он докажет, что псы способны не только нажимать неловкими когтистыми лапами на кнопки, вычисляя для других точки переходов по времени! Он придумает, как изменить настоящее. Он воссоздаст Мир Саймака. Успокоившись, Дружок завалился головой на лапы и прикрыл глаза. Он порядком устал от беготни, а уже нынешней ночью ему предстояло спасти мир.

Дружок дремал, а Томас Вебстейн продолжал тонуть в извержениях ректора Гранта. Казалось, раскормленная физиономия ректора вывалится с экрана видеофона, и растечётся по столу как гнилой помидор. Грант тряс багровыми щеками и орал:

– Страшно даже представить, в какую сумму обойдётся институту несанкционированная активация темпорального поля!

– Я не собираюсь его выгораживать, – сказал Томас Вебстейн. – Если пёс нанёс ущерб институту, пусть отдувается сам.

– Псы пока ещё не имеют статуса граждан Свободного Мира, – напомнил Бальтазар Грант. – Хозяин несёт полную ответственность за действия модифицированного организма. В том числе – финансовую. Университет разорит тебя штрафами, Том. Я сам охотно этому поспособствую, если ты не примешь меры.

– Что же мне делать?

– Это твои проблемы. Пёс должен исчезнуть. Утонуть, отравиться консервами, сбежать к повстанцам на Юпитер. Тогда некому будет предъявить обвинение, юридически ты не будешь являться его владельцем. Всё будет шито-крыто.

– Тебе легко советовать! – возмутился Томас. – Я угрожал на Дружка чёртову уйму денег.

– Избавься от этого пса, как другу тебе говорю, – сказал Бальтазар Грант и оборвал связь.

– Чёрная кровь из тебя вокруг копыя моего заструится! – тихо сказал Вебстейн, выключая экран.

Он рывком выдвинул верхний ящик письменного стола и вынул короткоствольный револьвер, проверил, есть ли в барабане патроны. После

того, как иммигранты с Юпитера ограбили его соседа, доктора медицины и изнасиловали его жену, Томас всегда хранил заряженный «бульдог» в правом верхнем ящике письменного стола. Сунув оружие в задний карман, он вышел на крыльцо.

– Дружок, пёсик, иди ко мне, – позвал Томас Вебстейн. – Я дам тебе колбаски.

Анна ЧЕРНЫШЕВА

Серенада

Конец XVIII века. Венеция.

Летняя ночь была великолепна. Венеция затихла, отдыхая от суеты и шума и готовясь к новым увеселениям! Вода чуть слышно плескалась у лестницы пышного палаццо, словно нащёптывала что-то тайное. Лукавый месяц посеребрил вуаль темноты, накрывшую город и придавшую всему таинственность и романтичность. Лёгкий ветерок принёс аромат ночных фиалок и роз. Тихая серенада, полная томной неги, свободно лилась, дополняя очарование ночи. Силуэт гондолы был едва виден на тёмной воде канала, стоящий в ней юноша пел о любви, устремив взгляд на освещённое окно палаццо. Его дивному голосу вторила из темноты нежная флейта. И соловей, присевший на край балкона, казалось, заслушался.

Скрывшись за шёлком занавески, серенаду слушала молодая женщина. Она склонила хорошенькую головку на руку, её золотистые кудри рассыпались по плечам, а взгляд остановился на пламени свечи. Мотылёк, порхавший вокруг огонька, подлетел слишком близко, вспыхнул и упал на стол. Тени заплясали по стенам комнаты. Женщина вздрогнула и очнулась. Она лениво поднялась и подошла к сидевшему за столом мужчине. Обняв его за плечи, она заглянула ему через плечо.

– Что ты пишешь, милый? – промурлыкала она на ухо мужу.

– Пишу кузену в Бордо. Хочу убедить его приехать сюда к нам. Глупо прозябать в деревне, едва поженившись.

Мужчина отложил перо. Он был довольно хорош собой, чуть старше жены. Вся его внешность выдавала аристократа из старинного рода с деньгами и титулом. Он улыбнулся жене, но она недовольно поморщилась:

– Твой кузен – зануда! Франсуа, ты же знаешь, что я терпеть его не могу! Я не хочу, чтобы он всё испортил.

– Ты не права, Катрин. Он милый человек, герцогиня де Лонгвиль находит его приятным собеседником. Он ничего нам не испортит.

– Нам так хорошо вдвоём. Зачем нам ещё кто-то?

Катрин обняла мужа за шею.

– Сейчас нас не двое, ты забыла певца за окном. Он поёт о таких вещах, что нельзя о нём забывать, – улыбнулся Франсуа.

– Да, он хорошо поёт, – задумчиво протянула Катрин, садясь напротив мужа. – Но я не понимаю слов.

– На мой взгляд, это только добавляет прелести. Кстати, принц Конде считает, что любую песню, особенно итальянскую, следует слушать на языке автора.

– А всё-таки?

– Он поёт о твоих руках, зелёных глазах, тонкой талии и ещё о чём-то между глазами и талией «как два спелых персика».

Катрин покраснела и поправила кружева на груди.

– О губах «как спелая вишня» и о родинке за левым ушком...

Катрин вскочила на ноги, словно испугавшись.

– Откуда он знает?! – Она прикрыла коричневое пятнышко пальцем.
– Откуда он вообще взялся?!

– Я заплатил ему, – просто ответил муж.

– Заплатил? Как?! – Катрин задохнулась от возмущения.

– Тайно, конечно. Он из хорошей семьи, о нём много говорят.

– Ты ему заплатил за то, чтобы он притворился влюблённым в меня?!

– Венеция – город любви.

– Так он поёт всё по заказу?!

– Чем дольше слушаю, тем больше мне кажется, что он влюблён по-настоящему. В его песнях столько страсти.

– И про родинку ты ему сказал? Как ты мог! Это касается только нас. Так нельзя! Нельзя! – Она не находила слов от возмущения. Чужой человек не должен знать. Она была так уверена во Франсуа, и вдруг такое!

– Так это ты сказал?

– Я.

Катрин встала и начала нервно укладывать волосы.

– Так он наёмник?

– Ну да.

Катрин решительно подошла к окну, отдернула занавеску и громко крикнула в темноту:

– Пошёл вон!

Ей сразу стало легче. Ночная свежесть коснулась её покрасневшего лица. Певец замолчал, успокоенная женщина вернулась в комнату. Но минуту спустя серенады полились снова. Катрин удивлённо обернулась к окну.

– Он тебя не понял, – спокойно объяснил муж.

– Переведи, – потребовала Катрин, уже не так решительно.

– Зачем? Тебе не нравится песня?

– Нравится, – задумчиво произнесла Катрин и села на софу. – Но я не понимаю, зачем ты сказал ему?

– Это так поэтично, не знаю, что тебя рассердило.

– Это очень личное.

Она не могла объяснить.

– Прости, но серенада так прелестна. Пусть поёт, – примирительно сказал Франсуа, садясь рядом и беря жену за руку.

– Но он меня не любит, – прошептала Катрин, сама удивляясь слезам в голосе.

– Разве тебе мало моей любви? Я готов петь тебе о ней каждый вечер

– Не надо, – рассмеялась Катрин. – У тебя ужасный голос.

– Зато я люблю по-настоящему.

Катрин улыбнулась и положила голову мужу на плечо.

– Хорошо здесь.

– Да, Венеция – место особенное. Герцогиня Лонгвиль...

– Опять герцогиня! – Катрин отстранилась от мужа.

Уснувшее раздражение вспыхнуло в ней с новой силой. Она почувствовала, что ненавидит герцогиню.

– Что ты заладил! При чём тут герцогиня?! Ты лучше объясни, зачем тебе понадобился певец?

Щёки Катрин пылали, но мягкое спокойствие мужа, как всегда, быстро усмирило её гнев.

– Сама посуди, ты знатная дама, красавица, у тебя должен быть поклонник. У каждой француженки в Венеции есть воздыхатель. Так принято, здесь все должны наслаждаться любовью.

– Но я и так наслаждаюсь.

– Милая, твоя кузина де Лонгвиль, – (Катрин поморщилась), – сказала бы на это, что любить собственного мужа это дурной тон, тем более в Венеции. Посмотри на королеву Пруссии, где её супруг Фридрих? А кто её сопровождает?

– Брокдорф, он такой красавец, – улыбнулась Катрин.

– Мы должны соответствовать! – подчеркнул Франсуа. – Вспомни, как демонстративно небрежно были одеты вчера утром герцогиня Майенская и её испанец. Их вид не оставлял сомнения в том, что они не скучали этой ночью. Графине де Рошфор каждый вечер поют серенады сразу два красавца. Я не могу допустить, чтобы моя жена выглядела хуже других! Да и о чём мы будем рассказывать в Париже? Чего стоит поездка, если после неё нечего рассказать. Путешествия непременно должны быть связаны с приключениями.

– Хорошо, хорошо, теперь я стану рассказывать, какой очаровательный итальянец добивался моей любви в Венеции, проводя ночи под моим балконом. Жаль только, что его совсем не видно в темноте, – лукаво заявила Катрин.

Франсуа не заметил подвоха.

Утром за завтраком Катрин была рассеяна, пролила сливки на скатерть и уронила вазочку с конфетами. Так случалось всегда, когда она что-то обдумывала, поэтому Франсуа не стал доносить её вопросами и оставил её одну.

Катрин думала о вчерашнем разговоре. Её грызла досада, что вся прелесть поездки была испорчена тем же, что так раздражало её в Париже. Для Франсуа всегда была важна его репутация, в свете он следовал любой

моде, лишь бы её одобряли знаменитости. Так поступали многие, и Катрин не без удовольствия участвовала в чудачествах двора. Но оставшись вдвоём с мужем, она слышать не хотела ни о какой герцогине.

– Герцогиня, герцогиня! Сколько можно? При чём тут Лонгвиль?! Терпеть её не могу! Она больше меня член нашей семьи. Он постоянно говорит о ней. Ещё эта родинка! Ведь это касается нас двоих. Зачем сообщать о ней всей Венеции. Неужели он всю поездку затеял не для меня, а ради болтунов в Париже?! Ему будет нечего рассказывать...

Катрин была не в духе. Но она быстро утешилась, вспомнив, что пришло ей голову ещё вчера.

Неделю спустя стояла такая же чудная ночь. От воды тянуло сыростью и прохладой, такой приятной после жаркого дня. Где-то далеко шумел бродячий цирк. Набежавшие облака затянули небо прозрачной пеленой. Опять пахло цветами. По тёмному лабиринту канала медленно двигался огонёк фонаря, освещая гондолу и стоящего в ней молодого человека во всём чёрном. Его лицо было скрыто чёрной полумаской. Он нетерпеливо подгонял гондольера, но тот и не думал торопиться. Всё также медленно гондола подплыла к уже знакомому палаццо и остановилась. В окне горел свет, и на шторах были видны два силуэта, похоже, мужчина собирался уходить, и женщина поправляла что-то в его костюме. Она обняла мужчину, он надел шляпу и отошёл от окна. Занавески раздвинулись, и в окне показалась Катрин. Она заметила юношу в гондоле, весело улыбнулась ему и стала ждать, когда выйдет муж. Вот показался слуга с факелом, Франсуа быстро сбежал по ступеням, его уже ждала роскошная лодка, убранная алым шёлком и золотом. Юноша чинно ему поклонился из другой гондолы. Франсуа кивнул ему, обернулся, помахал жене и шагнул в лодку.

Вскоре его гондола скрылась за поворотом канала.

Катрин обратилась к юноше:

– Жди!

Шторы сомкнулись. Итальянец вздохнул и уселся на скамье. Прошло четверть часа, начал накрапывать мелкий тёплый дождь.

Юноша натянул берет, встал и, чтобы напомнить о себе, запел серенаду. В комнате погас свет, и минуту спустя в дверях показалась женщина в длинном плаще. Она быстро набросила на голову капюшон и спустилась к гондоле. Певец умолк и подал ей руку.

– Быстрее, сеньора, нам надо спешить, – напомнил итальянец на плохом французском.

– Ах, не надо меня торопить! – отозвалась на ужасном итальянском французженка.

Она уже поставила ногу на борт лодки, но пошатнулась.

– Осторожнее, сеньора! – воскликнул юноша.

– Не говорите мне под руку!

Катрин вырвала свою руку у итальянца, и, потеряв равновесие, едва не упала в воду.

– Мама! – вырвалось у неё, но юноша успел поймать её за талию и благополучно усадил в гондолу.

– Осторожнее, – мягко повторил юноша, садясь напротив неё.

Гондола двинулась вперёд. Катрин нервно оправила юбки и оглянулась на палатцу.

– Ничего, ничего, зато я отомщу этому снобу. Подумать только, мнение кузины Лонгвиль или этой дуры герцогини Майенской ему важнее нашей любви! Я проучу его!

Час спустя Франсуа быстро шёл по тёмному коридору палатцы.

– Ничего не понимаю, – думал он. – Что случилось? Где Катрин? Где слуги? Куда все подевались?! Почему везде темно?

Ответов он не находил. Дойдя до спальни жены, он стал шарить на каминной полке, ища свечу, задел бронзовый подсвечник, он грохнулся на пол. Наклонившись его поднять, зацепился за что-то плащом, дёрнул, затрещала рвущаяся ткань. Франсуа выругался и, наконец, зажёл свечу. Огонёк трепало на сквозняке, и Франсуа никак не мог оглядеть комнату. Везде был порядок, всё как обычно.

– Вот чёрт! Да объяснит мне кто-нибудь, что здесь произошло?!

Франсуа собрался уже идти в другую комнату, когда заметил листок бумаги на подушке. Он поднёс письмо к свету.

«Милый, не удивляйся, я отпустила слуг. Знаешь, ты совершенно прав, мы не можем вернуться в Париж, не пережив настоящего приключения. Твоя репутация блестящего придворного может пострадать. Что скажет кузина де Лонгвиль? Я узнала, что Брокдорф покинул свою королеву, не иначе его похитила тайная поклонница. Мы должны соответствовать!

Я позволила милому Ромео похитить меня нынче ночью. Ты сможешь рассказывать об этом герцогу д'Эпернону или даже принцессам Конде. А через некоторое время я предоставлю тебе шанс проявить своё великодушие.

С любовью, твоя Катрин.

Помни, мы должны соответствовать!»

Золотой город

(Глава из романа «Чужие боги»)

Мириады звёзд холодно смотрели с чёрного неба на погружённую в ночную тьму пустыню.

– Новолуние, – вздохнул Арсам, – ничего не разглядеть. Хоть бы знать, где я теперь, далеко ли от людей?

В его голову не приходило ни одного разумного объяснения – ни того, что с ним случилось, ни того, где бы он мог оказаться.

– Придётся ждать утра, – решил перс, – может, удастся заметить хоть что-нибудь, чтобы сориентироваться. Остаётся надеяться, что день не принесёт смертельной жары.

И он остался на месте ждать рассвета. Прекрасно зная, что время быстрее всего проходит, пока спишь, Ахеменид разлёгся на неласковом песчаном ложе. Подумал, что напрасно оставил в поместье Херихора свой халат.

– Как бы он сейчас пригодился.

Стараясь уснуть, перс пожалел, что его работа так быстро закончилась. Он не успел устать достаточно, чтобы уснуть мертвецким сном. В голове долго крутились события прошедшего дня. Больше всего влюблённому хотелось разгадать загадку появления Анахит. Его мучили сомнения, в какой момент началось колдовство. Была ли красавица на самом деле. Крепкий сон положил конец его размышлениям.

Утром Ахеменид проснулся от холода, поверхность пустыни вокруг тонким слоем покрыла ледяная изморозь. Она мгновенно исчезла под первыми солнечными лучами.

– Эх, сохранить бы хоть чуточку этой прохлады до полудня. Какое гиблое место – эти пустыни! – бранился Ахеменид, отряхивая песок.

Со своего высокого бархана он снова осмотрел всё вокруг и воскликнул радостно:

– Как я мог не заметить?!

У самого горизонта были ясно видны плоские крыши многочисленных построек.

– Целый город! – порадовался Арсам. – Хорошо, что я ночью решил остаться на месте, а то ушёл бы в другую сторону и не смог бы теперь увидеть города.

Он спустился с бархана; заветная цель пропала из виду, но теперь перс точно знал, какого направления должен держаться. Перс торопился, почти бежал, хоть ноги вязли в песке. Поднялся на вершину нового бархана. Всмотрелся вдаль: Ахеменид не на шутку боялся не увидеть города на прежнем месте. Но поселение не было миражом, его по-прежнему было чётко видно. Арсам продолжал свой путь, он больше не торопился, не бежал, экономил силы. Ведь жаркие прикосновения дневного светила уже обжигали всерьёз. Знойное дыхание пустыни становилось всё более злым и тяжким. Снова перс пожалел о своем халате, отличная была бы защита от жестоких солнечных лучей.

– Только копчёные египтяне могут не прятаться от такой жары.

Совсем медленно путешественник поднялся на новый бархан, город стоял всё на том же месте.

– Наваждение какое-то, иду, иду, а проклятое поселение всё не становится ближе. Одно из двух: или воздух пустыни искажает расстояние – или опять не обошлось без шуточек местных божков. Как можно всерьёз верить в существование таких уродов?! – бурчал хмурый Арсам, снова спускаясь вниз с бархана.

Песок предательски осыпался под ногами, перс скользил, падал, кубарем катился вниз.

– Он ещё не верит! – услышал страшный шипящий голос.

Ахеменид вскочил на ноги, стал озираться по сторонам, но вокруг абсолютно никого не было! Горячий ветер гнал по барханам сухие песчинки, да коричневато-жёлтая под цвет пустыни змея быстро ползла прочь, оставляя после себя причудливый след.

– Надо скорей добраться до человеческого жилья, – решил Арсам, – иначе я окончательно сойду с ума от зноя и одиночества!

Он брёл по выжженной пустыне, не поднимая головы. С каждого возвышения жадно всматривался в очертания вожделенного города, но тот оставался всё так же далёк от него. Наконец резко, как тяжёлый занавес, на песчаное море упала ночная темнота. С её наступлением удушье сменилось холодом. Эмоциональный перс не жалел ярких эпитетов, громко браня пустыню, Египет и египтян с их богами. Арсам уже по привычке ожидал язвительного ответа. Да так и не дождавшись, продолжил свой нелёгкий путь, ориентируясь на крохотный огонёк, горевший в далёком городке. Он смертельно устал, еле передвигал ноги. Но всё же ночью двигаться было гораздо легче. Солнце тяжким грузом не давило вниз, а медленно остывавший песок не обжигал ноги. Персу жутко хотелось спать и есть, но хуже всего была нестерпимая бесконечная жажда. Чтобы отвлечься, Ахеменид принялся строить грандиозные планы.

– Вот дойду, я покажу им всем! – грозился он. – В крупном городе наверняка уже стоят войска Камбиза. Свои меня встретят как победителя! Дома, наверняка, уверены, что я погиб. А я – вот он! Живой! То-то будет радости. Я сразу потребую отдать мне этого сморчка Херихора. Объявлю его рабом и заставлю...

Ахеменид с наслаждением стал представлять Херихора, выполняющего самую сложную работу. Но так и не смог придумать ничего хоть отдалённо напоминавшего перетаскивание каменных глыб.

– Я привяжу такой камешек, – зло бурчал раб номарха, – и заставлю бегать с поручениями, пусть доставляет депеши в армию, или лучше...

Влюблённый лукаво улыбнулся.

– ...я поручу относить свои любовные письма Анахит.

Его мысли перескочили к прекрасной жене номарха.

– Лучше я подарю жизнь этого пузатого Анахит, пусть сама решает, что с ним делать. Тогда уж всё будет зависеть от того, насколько отвратительно вёл себя как супруг.

Влюблённый даже не сомневался, что Херихор был отвратителен. Планы мести отвлекли перса от тяжёлого пути и даже немного прибавили сил. Но под утро он окончательно выдохся, понял, что если не отдохнёт, то не сможет сделать ни шага. Ещё раз взглянув на огонёк, Арсам опустил на песчаный бархан и уснул, не успев даже произнести ни слова краткой молитвы.

Проснулся он от детского голоса:

– Эй, мужик, ты живой? – громко спрашивал незнакомый мальчик.

Он взял руку Ахеменида за мизинец, приподнял и отпустил. Кисть безвольно упала на песок.

- Совсемдохлый, – подытожил мальчуган.
- Я очень даже живой, – вяло возмутился Арсам, но поднялся на ноги.
- Ну, надо же! – присвистнул незнакомец.

Он был совсем маленький, хрупкий. Так непривычно для египтян – голову его покрывали собственные волнистые локоны, а в руках он держал лук.

- Ты кто такой? – потребовал ответа Ахеменид.
- Шэду, а впрочем, какое тебе дело, чужак, – поморщился мальчик.
- Дорогу до города знаешь?
- Конечно, только мне некогда, дела у меня здесь.

Он повернулся к персу спиной и исчез. Только шустрая змейка прощуршала по песку.

– Опять эти демоны! – выругался Арсам. – Что они ко мне пристали? Жил себе жил, как все остальные, нет, вляпался в это египетское колдовство.

Он плюнул, а день уже был в самом разгаре.

– Жалко, этот пацан не разбудил меня раньше, – посетовал путешественник, – а может, я и вовсе проснулся из-за жаркого солнца, и никого не было, – засомневался он.

Внимательно посмотрев туда, где ночью горел огонёк надежды, ясно увидел заметно приблизившиеся дома и узкие улочки.

– Хорошо хоть город мне не приснился! Ни один мираж не может оставаться неизменным трое суток подряд, – порадовался он.

Между строениями были уже видны одинокие пальмы с длинными обвислыми листьями.

– Дома в этом городе так высоки, что совсем не видны деревья.

Размышляя об этом, Ахеменид снова двинулся в путь, краткий отдых пошёл ему на пользу, последний участок показался ему гораздо короче и легче бесконечных скитаний прошлых дней.

– Опять какие-то чудеса со временем, – решил Арсам.

На пустыню ещё не упал ночной холод, когда Ахеменид подошёл к каменной ограде с зубцами незнакомого египетского города. Он прошёл между двумя сторожевыми башенками через ворота, пересёк дозорную дорогу и оказался перед воротами внутренней высокой стены из кирпичасырца. Эти ворота напоминали сирийский бастион. Между двумя мощными башнями стояла третья, шириной в двенадцать шагов, с проходом посередине, через который могла пройти только одна колесница. Консоли подпирали головы извечных врагов Египта – ливийцев, азиатов и нубийцев. Каждый проходящий должен был испытывать гнетущее чувство. Ахеменид увидел привычную помпезность, как в Вавилоне и Сардах, Пасаргадах и Экбатанах, Кирсимате. Городские ворота были покрыты золотыми пластинами с силуэтами фараонов и богов, цветные эмали украшали рисунок. Арсам сразу узнал шакалоголового Анубиса и виденного среди богов великана с соколиной головой. Но даже не звериные лики были самыми странными в этих фигурах, а то, что их лица и ноги были изображены в профиль, широкие плечи и руки в анфас. Все персонажи

стояли в этой невообразимой позе, включая длинную вереницу рабов у ног фараона. Среди этого золотого изобилия персу очень не хватало ярко-голубых мозаик и гладких чёрных колонн его родины. Окружавшее его искусство было столь специфично и условно, что поражало своей холодностью и неподвижностью. Украшавшие стены фигуры людей казались переломанными в поясице и ни капельки не походили на живых египтян.

– В этой стране слишком много жёлтого цвета, – поморщился перс, – жёлтый песок, жёлтые дома, жёлтое золото.

По широкой удивительно ровной улице навстречу иноземцу бежала худая ушастая коза. Повалившись на землю, она поднялась уже знакомым мальчиком. Персу хотелось потереть глаза, он даже тронул рукой мальчишку.

– Ты настоящий?

– Самый настоящий! – обиделся мальчуган. – А главное – я здесь на своём месте!

– То есть? – переспросил Ахеменид.

– То и есть, я местный, я – египтянин, не то что ты – чужак!

– Местный? Значит, знаешь название города? – обрадовался Арсам.

– Я-то знаю, а тебе и знать незачем! Это мой город и его, – он ткнул палец в золотого фараона на воротах, – и их, – он указал на изображения богов.

– Час от часу не легче! Я что, сплю?

– Хочешь сказать, что я только сон? И всего этого в помине нет?! Ну, ты – хам! – бросил мальчик.

И весёлая худая коза побежала дальше. Арсам перебрал все ему известные способы проснуться. Но его старания пропали даром. Покрытые золотом городские стены незыблемо стояли на своём месте. Приятная немолодая женщина, стоявшая поодаль, смотрела на него с явным сочувствием.

– Тяжело тебе у нас.

– Пожалуй, – согласился честный перс.

– Много непонятного?

– Да, буквально всё шиворот на выворот.

– Ну, что же теперь поделаешь, – вздохнула женщина и растаяла в воздухе.

– И эта туда же, – рассердился Ахеменид, – или я сошёл с ума, или это мир демона Ахримана. За что мне это наказание?!

– За наглость! – охотно объяснил возникший ниоткуда хищно улыбающийся Анубис. – Нельзя себя так вести на чужой земле. Вредно.

– Вот завоюет Камбиз ваш Египет, станет фараоном, и будет земля нашей.

– Тогда и посмотрим, а пока ты здесь один такой наглый.

– Я не наглый, я – честный!

– Нашёл, чем гордиться!

– Ложь – ужасный грех! – подчеркнул зороастриец.

– Может у вас и грех, а у нас правдой заведует специальная богиня.

– И на кого она похожа?

– Сам узнаешь, позже, может быть.

– Так у этого безобразия ещё будет и продолжение? – возмутился Арсам.

Его уже никто не слушал. Широкая улица была удивительно пустынна и тиха. Вдоль неё высились фасады больших трёхэтажных домов, украшенные рядами тонких колонн в виде стеблей папируса, поддерживающих большие балконы. Стены были обильно покрыты сложными барельефами, изображавшими пиры разноликих богов и празднества в их честь. Впереди была видна яркая зелень садов. Перс удивлённо озирался.

– Какой странный город, совсем без жителей, если только...

Арсам поразила догадка:

– Неужели здесь обитают только внезапно исчезающие существа?! Так это город египетских богов! – воскликнул он и в задумчивости почесал затылок. – Осталось определить, что я здесь делаю. Может, я уже мёртв?! Интересно, это рай или ад? У кого бы спросить?

Спросить было абсолютно не у кого. Народа не было ни души. Только ветер гонял облачка пыли.

Из-за угла дома появился чей-то силуэт. Арсам бросился было к нему, но застыл на месте. Прохожий не был человеком, тяжёлую бычью голову украшали длинные рога.

– Час от часу не легче!

Перс шарахнулся в какой-то узкий переулок, не желая встречаться с угрюмым незнакомцем. Он прижался к каменной стене, сплошь покрытой мелкими выбитыми рисунками, очень похожими на длинный текст. Чаше всего повторялся силуэт сокола. Бычья голова медленно проплыла мимо, Ахеменид не торопился покинуть своё убежище. Смотрел, не появится ли кто-нибудь ещё. По ровной, тщательно утопанной улице, задрвав хвост со смертоносным жалом, воинственно подняв клешни, на тонких ножках быстро пробежал необычно крупный чёрный скорпион. Его настигла длинная стрела. Пронзённый скорпион растянулся в пыли, уронил хвост и исчез. Стрела упала на землю. Шэду подбежал, подобрал её. Арсам с интересом наблюдал, в кого он превратится на этот раз. Пацан радостно подпрыгнул, издал победный клич и вприпрыжку побежал дальше. Перс осторожно выглянул из-за угла, посмотрел ему вслед, но на этот раз он... и не думал становится животным.

– Может, всё-таки эти ненормальные превращения прекратились?!

Но Ахеменид напрасно надеялся; стоило ему произнести эти слова, как широкая улица наполнилась всевозможными зверями. Грозные львы рыкали на тонконогих антилоп. Обезьяны пытались ловить суетливых ибисов, а крокодилы деловито ползли мимо них.

– Безумие продолжается, – вздохнул Арсам.

Больше других перса поразили звери с гладко-тёмной толстой шкурой и чудовищной пастью. словно для большого сходства с поросятами их хвостики были крохотными и загнутыми крючком. Он не знал названия этих животных и предположил, что в реальности таких монстров быть не может. Между тем, крокодилы добрались до огромного бассейна и осторожно погрузились в воду. К удивлению перса, за ними последовали свиноподобные

чудовища и с шумом плюхнулись в бассейн. Ахеменид наблюдал за буйством африканского мира, буквально открыв рот. Но он совершенно лишился дара речи, когда увидел между всевозможных зверей и чудовищ – самого себя! Среди египетских животных второй Арсам чувствовал себя очень уверенно, и дикие звери, не тронув его, даже уступали дорогу. Двойник заметил перса и, приветливо замахав ему рукой, пошёл навстречу. Храброму Ахемениду почему-то жутко захотелось спрятаться, чтобы избежать встречи. Незнакомец быстро приближался, и перс не мог найти ни одного отличия.

– Ты кто такой? – сразу спросил его перс.

– Твой хозяин, – надменно ответил двойник.

– Один у меня уже есть, – рассердился Арсам, – что-то вас слишком много.

– Я – Шаи, хозяин твоей судьбы!

– Хватит с меня хозяев.

– Это не тебе решать.

– Я сам – творец своей судьбы.

– Зря ты так уверен, да я тебя в два счёта...

...два Арсама сцепились не на жизнь, а на смерть. Осыпали друг друга ударами, ставили подножки, бились, ни в чём не уступая. Наконец одному удалось одержать вверх, он повалил соперника на землю, надавил коленом на грудь.

– Ну, кто теперь хозяин? – победно воскликнул Арсам.

Он не успел насладиться триумфом, как почувствовал, что поднимается над землёй. И не сразу сообразил, что второй Арсам, став чудовищно огромным, легко, словно пушинку, держит его на ладони. Ахеменид опасно глянул вниз: маленький, будто игрушечный город лежал далеко у ног гиганта. Огромный Арсам расхохотался громко и раскатисто, словно гром прокатился по небу.

– Говоришь, победил?! – оглушительно осведомился хозяин судьбы.

– Так ты тоже бог? – вздохнул Арсам-человек.

– Какой догадливый, – веселился второй Арсам.

Гигант повернул ладонь, смахнув маленького человека, словно невесомую песчинку. Перс стремительно падал с огромной высоты, воздух свистел в ушах. Твёрдая земля приближалась со страшной скоростью. Великан наклонился, подхватил его в последний момент, поставил на песок. Сам стал уменьшаться. Вскоре напротив друг друга снова стояли два абсолютно одинаковых человека.

– Неужели ты и теперь будешь упорствовать в своем непочтении к богам? – с угрозой в голосе спросил Шаи.

– Вы все не боги, а лишь демоны, созданные Ахриманом – вселенским злом, а бог для меня только один – Ахура Мазда! – объяснил зороастриец своё презрительное отношение к египетским богам.

– Это мы-то не боги! – яростно загремел властелин судьбы. – На колени, смертный!

Перс только гордо поднял голову.

– Я опущусь на колени только перед Ахура Маздой! А все ваши происки напрасны!

– Твоего бога здесь нет! – злобно зашипел Шаи.

Образ человека медленно таял в воздухе, и вместо него перед непреклонным Ахеменидом раздувала капюшон огромная кобра. Между двумя ядовитыми зубами мелькал тонкий раздвоенный язычок, а слова шуршали откуда-то сверху.

– Я волен творить с твоей судьбой всё, что мне захочется! Захочу – верну тебя в прошлое...

Звук его голоса ещё звенел в воздухе, когда Арсам понял, что вокруг него нет ни города, ни диких зверей. Справа, слева, впереди и сзади – всюду только был раскалённый полуденным солнцем песок. Он опять оказался посреди пустыни, там, откуда началась его трудная дорога к Золотому городу. Осознав это, Ахеменид пришёл в бешенство.

– Будьте вы прокляты, африканские уроды!

Он в отчаянии пнул бархан, песок осыпался, обнажив норку скарабея, жучок поспешно бросился наутек.

– Только этого не хватало! – сердился Арсам. – Начинать всё сначала выше моих сил! Вот возьму и пойду в другую сторону, может, тогда мне повезёт встретить нормальных людей, а не это дикое скопище уродов.

Окинув взглядом волнистую поверхность пустыни, песочно-жёлтую под бесцветным от жары небом, пытаюсь сориентироваться и припомнить, куда он шёл в прошлый раз. На всякий случай круто развернулся и пошёл назад, надеясь, что с каждым шагом удаляется от негостеприимного города. Жара растягивала время, превращала минуты в часы, каждое движение в непосильный труд.

– Однако я свалил дурака, – вздохнул перс, – надо было не удивиться на уродливых жителей и зверей, а напиться воды из того бассейна. Я готов выпить его весь до дна!

Полуденное солнце нещадно жгло спину, голова кружилась от усталости и голода. Арсам облизывал пересохшие потрескавшиеся губы, хрипел зло:

– Когда уже сядет это дурацкое солнце?! Когда ночь принесёт прохладу?! Никогда раньше я не умел так ненавидеть божественное светило!

Но день застрял, казалось, в своем апогее. Достигшее зенита солнце совсем не клонилось к закату.

– Это Шаи шутит со временем, – догадался перс.

Ещё долго бесцельно он брёл по бесконечным барханам. Путник уже совершенно выбился из сил и еле переставлял ноги. Наконец, запнувшись, повалился на жёсткий песок и остался неподвижен. Арсам равнодушно проводил взглядом скарабея, толкавшего перед собой свой вечный шарик, и закрыл глаза...

«Всё! Не могу, не хочу! Это конец!»

...все тело обдало сладкое живительное чувство счастья. Арсам, расслабившись, лежал в прохладных водах того самого бассейна. После смертоносного жара пустыни голубая вода была бесконечно прекрасной. Перс нырнул, проплыл немного, вынырнул, стал пить, зачерпывая воду руками. Потом наклонил голову и хлебал как животное, долго не мог победить жажду. Он снова нырнул и ещё из-под воды различил тёмное вытянутое тело крокодила. Оно медленно двигало короткими лапами, незаметно приближалось. Перс, как молния, метнулся к краю бассейна и выскочил на твёрдую землю. Тёмно-зелёный крокодил выставил из прозрачной воды только глаза, но был отлично виден весь. Чудовище было вдвое длиннее Ахеменида. Длинный хвост медленно двигался из стороны в сторону, плавные, ленивые движения рептилии внезапно приобрели стремительность. Он рывком выбросил себя на берег и удивительно быстро пополз к персу. Арсам и рад был бы броситься наутёк, да выскочил из бассейна не со стороны улицы, а возле высокой каменной стены какого-то строения. Он отступил назад и оказался зажатым в углу. В отчаянии шарил рукой по гладкой каменной кладке, почувствовал, что одна плита поддалась, вцепился в неё пальцами и потянул, что было сил, отломал большой кусок мраморной облицовки. Перс метнул её, попал точно по носу крокодилу, который собрался разинуть чудовищную пасть. Рептилия зарычала утробно, попятилась. Ахеменид бросился к ней, схватил кусок мрамора, принялся лупить зверюгу по голове. Не дожидаясь реакции крокодила, Арсам перепрыгнул через него и бросился бежать по улице.

– Стой! Нельзя так обращаться со священными животными! – остановил его резкий оклик.

– Пусть лучше он меня сожрёт? – огрызнулся Ахеменид.

– Очистительная жертва прекрасна! – сладко улыбнулся двойник Арсама.

– Опять ты?!

– Всегда я, человек не может отделиться от своей судьбы.

– Тогда исчезни и веди себя скромно, как все остальные нормальные судьбы, – посоветовал родственник персидских царей.

Казалось, незнакомец задумался над предложением, почесал нос, спросил лукаво:

– А может, ты есть хочешь?

Арсам хотел съязвить, что уже научился питаться крокодилами, но он умел говорить только правду и выпалил:

– Да, хочу! Готов сам сожрать всех ваших священных животных.

– У нас и не священных полно, – легкомысленно заметил повелитель судьбы.

– Так идём быстрее.

Два Арсама свернули к ближайшему дому, через узкую дверь прошли в полутёмное помещение. Перс жмурился, привыкая к отсутствию яркого солнца.

– Ничего не вижу!

– Тогда нюхай!

Ахеменид потянул носом воздух, полный дурманяще-аппетитных запахов жареного мяса, приправ, винограда, фиников и свежих лепёшек. Голодный перс сглотнул слюну.

– Хватит дразнить! Где эти все лакомства?

– Да вот же! – повёл рукой Шаи.

Арсам потёр рукой глаза; освоившись в полутьме, проследил за движением своего двойника и с удивлением обнаружил, что они стояли посередине большой комнаты, ближе к стенам которой было расставлено множество небольших резных столиков. Возле каждого располагалась пара изящных кресел с высокими подлокотниками и спинками. Их тонкие ножки опирались золочёными львиными лапами на разбросанные по полу циновки. Между ними красовались высокие из чёрного или синего сланца и светлого мрамора вазы. Каждый столик был заставлен посудой с дымившимися горячими блюдами и корзинами, полными фруктов.

– Ты ждёшь ещё гостей? – спросил перс.

– Нет, это всё для нас, – охотно ответил Шаи.

– Зачем тогда понадобилось столько столов?

– Египтяне всегда накрывают все столы, когда готовят так много угощений.

– А им не приходится в голову, накрыть один большой стол?!

– Здесь вообще нет таких столов.

– И когда собирается много гостей, все так и сидят парочками? – не переставал удивляться перс.

– Здесь так принято, а ты-то – собираешься приступить к еде или так и будешь приставать с расспросами?! – раздражался Арсам-бог.

Проголодавшийся Арсам-человек не стал тянуть время, быстро подошёл к ближайшему столику, уставленному всевозможными мисками, мисочками и блюдами. Ахеменид набросился на еду, не заботясь о том, что второй Арсам снисходительно наблюдал за ним. Только ощутив приятную сытость и запив всё вином, он стал критически осматривать столовую утварь. Хотя вся посуда была сделана из золота, она не отличалась ни сложностью отделки, ни богатством деталей.

– Далеко вашим мастерам даже до обычных ремесленников в Персии.

– Опять ты недоволен, – поморщился властелин судьбы.

– Можно подумать, ты стараешься сделать так, чтобы я всем был доволен! И, правда, зачем это тебе?!

– Честно говоря, я ведь бог доброй судьбы.

– Добрый? – удивился Арсам. – Странное у тебя понятие о доброте и счастье: то в пустыне жжёшь, то крокодилами травить.

– Тут ты не прав, подумай хорошенько, – невозмутимо рассуждал Шаи, – был ли ты когда-нибудь счастлив настолько же, как в прохладном бассейне?

– Нет, вроде бы, – задумался перс, – но такой ценой...

– Какая разница, самое сильное счастье происходит только после горестей и испытаний.

– Тебе следовало стать богом Мудрости.

– Учёными-теоретиками занимается другой бог.

– А ты значит практик. Неужели все эти скитания по пустыне понадобились мне только для того, чтобы с удовольствием искупаться? – не верил Ахеменид.

– Не я всё это начал, ты сам виноват! Обидел злопамятного Бэса, и тот попросил Сета тебе отомстить. Повелитель пустынь забросил тебя в мёртвую Ливийскую пустыню, откуда люди не возвращаются.

– А как же город?

– Это Таид – город, которого никто не может найти.

– Так уж и не может?! – усомнился перс. – Я же нашёл.

– Вот и удивительно, как тебе это удалось. Таид – город богов. В незапамятные времена Таитет-ткачиха, соткала волшебное полотно и отпустила по ветру, оно опустилось в ливийской пустыне, и возник на нём город Таид. Полюбился он богам верхнего и нижнего Нила, стали они в нём собираться. Но когда налетает сильный ветер, подхватывает он полотно Таитет и уносит на другое место вместе с городом. Смертные не могут ни найти, ни увидеть волшебный Таид, – закончил свой торжественный рассказ Шаи.

– Похоже, это касается только египтян, раз уж я здесь, – гордо произнёс родственник персидских царей.

– Мне не ведомо, как могло это случиться, – произнёс бог доброй судьбы, – но тебе лучше забыть всё, что было.

– Иначе говоря, притвориться, что ничего не было? – переспросил честный зороастриец.

– Знаю, знаю, что врать ты не умеешь. Просто молчи, молчи как рыба.

Арсаму показалось, что он и на самом деле не может произнести ни слова. Пространство вокруг него заколыхалось.

Содержание

Семён АГЕЕВ	
Состязание	3
Ольга БЕЛОУСОВА	
В деревне «оборотней»	8
Евгений ГРЕП	
Свадьба.....	13
Наталья ЖИЛЯНИНА	
Канцелярия.....	21
Надежда КАЛАШНИКОВА	
Счастье на развес	24
Станислав КИСЛИЦЫН	
Банщик	26
Наталья КОЛЕСОВА	
Четыре ухода.....	32
Иван КРАСНОВ	
Аквариум.....	36
Дарья ОРШАНСКАЯ	
Сделать выбор.....	37
Дмитрий СЕМЕНОВ	
Правда о сказочных существах.....	40
Юрий СОКОЛОВ	
Прогулка по Уивертауну	45
Сатанаил.....	511
Константин ШАБАЛДИН	
Илион не был разрушен.....	566
Анна ЧЕРНЫШЕВА	
Серенада.....	64
Золотой город.....	68

На первой странице обложки –
рисунок Надежды Шишкиной «Арлекин»

Тираж – 50 экз.

Издательство «Ник без Компані»